U 315/65

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

И

ДЕКАБРИСТЫ

(ПО АРХИВНЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ФАКСИМИЛЕ ДѢЛА О ГРИБОѢДОВѢ, ХРАНЯЩАГОСЯ
ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ АРХИВѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1905

И 315/65

ф I-77/11562

I В № 174.

Грибоедов

Послужной Список, служащий секретарем по Дипломатической части при Главнокомандующем в Грузии.

На 24. листах.

И 315/65

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ

А. С. ГРИБОѢДОВЪ

И

ДЕКАБРИСТЫ

(ПО АРХИВНЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1905

Дозволено цензурою 24-го марта 1905 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

36698-76.

2007061468

ЧЕХАРЬ ЛЮБВИ

и

А. С. ПУШКИНЪ

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ

До самаго послѣдняго времени объ эпизодѣ привлеченія А. С. Грибоѣдова къ слѣдствію по дѣлу о заговорѣ декабристовъ мы знали лишь со словъ современниковъ. Официальныя данныя о прикосновенности Грибоѣдова къ декабристамъ заключаются въ дѣлахъ Высочайше учрежденнаго 17-го декабря 1825 года Комитета по изысканію о злоумышленныхъ обществахъ, дѣлахъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Здѣсь находится и цѣлое «дѣло о Грибоѣдовѣ» (I В № 174), состоящее изъ 24 пронумерованныхъ листовъ.

Предлагая факсимиле этого дѣла, мы исходили изъ того убѣжденія, что только факсимиле можетъ дать непосредственное знакомство съ порядкомъ дѣлопроизводства, принятымъ въ Высочайше учрежденной комиссіи и единообразнымъ для всѣхъ дѣлъ. Фотографическое воспроизведеніе дѣла кажется намъ единственнымъ способомъ сохранить тотъ колоритъ эпохи, который лежитъ на страницахъ подлиннаго дѣла и который исчезаетъ въ печатномъ воспроизведеніи. Кромѣ того, воспроизводя факсимиле дѣла о Грибоѣдовѣ, мы впервые даемъ снимки съ почерка лицъ, автографы которыхъ до сихъ поръ не были извѣстны.

Дѣло Государственнаго Архива о Грибоѣдовѣ воспроизведено съ Высочайшаго разрѣшенія.

А 0061468

I.

Воспроизводя текстъ дѣла, считаемъ необходимымъ сказать, что бумаги его не всегда расположены въ хронологической послѣдовательности; для сохраненія стройности впечатлѣнія слѣдовало бы читать дѣло въ слѣдующемъ порядкѣ: бумаги № 1, 13, 3—6, 2, 7—12, 14 и дальше, какъ напечатано [1].

№ 1.

Извлеченіе изъ показаній о Грибоѣдовѣ. л. 1.

Полковникъ Артамонъ *Муравьевъ.*

Онъ съ *Грибоѣдовымъ* пріѣхалъ къ *Бестужеву-Рюмину* съ намѣреніемъ познакомить его *Грибоѣдова* съ Сергѣемъ Муравьевымъ, какъ съ человѣкомъ умнымъ, зная, что Грибоѣдовъ предполагалъ остаться въ Кіевѣ. *Сергѣй Муравьевъ* пріѣхалъ къ нимъ въ полдень и уѣхалъ на другое утро рано. При немъ разговоръ былъ общій, не касающійся до общества.

Оболенскій (въ письмѣ къ Государю).

Что *Грибоѣдовъ* былъ принятъ въ члены общества мѣсяца два или три предъ 14-мъ Декабря, и вскорѣ потомъ уѣхалъ; почему дѣйствій его въ обществѣ совершенно не было.

Трубецкой (во 2 показаніи).

Слышалъ отъ *Рылѣева*, что онъ принялъ *Грибоѣдова* въ члены тайнаго общества.

[1] Подчеркнутое въ текстѣ набрано курсивомъ. Оглавленія документовъ взяты изъ описи дѣла. Въ текстѣ сохранена подлинная орѳографія.

№ 2.

л. 2. Письмо Грибоѣдова къ Государю Императору.

Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ!

По неосновательному подозрѣнію, силою величайшей несправедливости, я былъ вырванъ отъ друзей, отъ начальника мною любимаго, изъ крѣпости Грозной на Суножѣ, чрезъ три тысячи верстъ въ самую суровую стужу притащенъ сюда на перекладныхъ, здѣсь посаженъ подъ крѣпкій караулъ, потомъ былъ позванъ къ Генералу Левашову. Онъ обошелся со мною вѣжливо, я съ нимъ совершенно откровенно, отъ него отправленъ съ обѣщаніемъ скораго освобожденія. Между тѣмъ дни проходятъ, а я запертъ. ГОСУДАРЬ! Я
л. 2 об. не знаю за собою никакой вины. Въ пріѣздъ мой изъ Кавказа сюда, я тщательно скрывалъ мое имя, чтобы слухъ о печальной моей участи не достигъ до моей матери, которая могла-бы отъ того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточеніе, то конечно и отъ нее неукроется. ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО сами питаете благоговѣйнѣйшее чувство къ ВАШЕЙ Августѣйшей родительницѣ.....

Благоволите даровать мнѣ свободу, которой лишиться я моимъ
л. 3. поведеніемъ никогда не заслуживалъ, или послать меня предъ Тайный Комитетъ лицемъ къ лицу съ моими обвинителями, чтобы я могъ обличить ихъ во лжи и клеветѣ.

Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Александръ Грибоѣдовъ.

15-го февраля
1826.

Помѣта на письмѣ рукою А. Ивановскаго: на 1-й стр. вверху слѣва — № 662 и справа — 19 февраля 1826.

Рукою Дибича написано карандашомъ:

— «Объявить, что такимъ тономъ не пишутъ Государю и что онъ будетъ допрошенъ».

№ 3.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 14-го февраля корнету князю Одоевскому. л. 4.

1826 года 14-го февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. корнета конной гвардіи князя *Одоевскаго* показанія:

Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ* когда и кѣмъ былъ принятъ въ тайное общество? съ кѣмъ изъ членовъ состоялъ въ особенныхъ сношеніяхъ? что извѣстно ему было о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ общества и какого рода вы имѣли съ нимъ разсужденія о томъ?

Такъ, какъ я коротко знаю Г-на Грибоѣдова, то объ немъ честь имѣю донести совершенно положительно, что онъ ни къ какому не принадлежитъ обществу.

Корнетъ Князь Одоевской.

№ 4.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 14 февраля подпоручику Рылѣеву. л. 5.

1826 года 14-го февраля ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. подпоручика Рылѣева показанія:

Когда и гдѣ былъ принятъ вами въ члены тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ?* что именно было открыто ему о намѣреніяхъ, видахъ и средствахъ общества? Не было ли сдѣлано ему порученія о свиданіи съ кѣмъ либо изъ членовъ южнаго общества, а также и о распространеніи членовъ онаго въ корпусѣ Генерала Ермолова, и неимѣли ли вы отъ него увѣдомленій о успѣхахъ его дѣйствій?

Съ Грибоѣдовымъ я имѣлъ нѣсколько общихъ разговоровъ о положеніи Россіи и дѣлалъ ему намеки о существованіи общества, имѣющаго цѣлью перемѣнить образъ правленія въ Россіи, и ввести конституціонную монархію; но какъ онъ полагалъ Россію къ тому еще неготовою и къ тому жъ неохотно входилъ въ сужденія о семъ предметѣ, то я и оставилъ его. Порученій ему никакихъ небыло дѣлано, ибо хотя онъ изъ намековъ моихъ могъ знать о существованіи общества, но не будучи принятъ мною совершенно не имѣлъ права на довѣренность Думы. Слышалъ я отъ Трубецкаго, что во

время бытности Грибоѣдова въ прошломъ году въ Кіевѣ нѣкоторые
л. 5. об. Члены Южнаго общества также старались о принятіи его въ оное, но неуспѣли въ томъ по тѣмъ же причинамъ по какимъ и я принужденъ былъ оставить его.

Подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ.

№ 5.

л. 6. Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 14-го февраля полковнику князю Трубецкому.

1826 года 14 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ г. полковника князя *Трубецкаго* показанія:

Въ начальныхъ отвѣтахъ вашихъ между прочимъ сказано о слышанномъ вами отъ Рылѣева, что онъ принялъ въ тайное общество *Грибоѣдова*. Рылѣевъ съ своей стороны говоритъ, что онъ намѣкалъ ему о существованіи общества, но видя, что онъ не охотно входилъ въ сужденія о перемѣнѣ образа правленія въ Россіи, то неоткрывалъ ему намѣреній своихъ и не принималъ его въ члены. Къ сему Рылѣевъ присовокупляетъ, что слышалъ отъ васъ, что вовремя бытности Грибоѣдова въ прошломъ году въ Кіевѣ нѣкоторые члены Южнаго общества также старались о принятіи его въ оное, но неуспѣли въ томъ.—Объясните: точно ли Рылѣевъ говорилъ вамъ, что онъ принялъ Грибоѣдова, и точно ли сообщили вы Рылѣеву вышесказанное и отъ кого именно сіе извѣстно вамъ было?

Разговаривая съ Рылѣевымъ о предположеніи не существуетъ ли какое общество въ Грузіи, я также сообщилъ ему предположеніе не принадлежитъ ли къ оному *Грибоѣдовъ?* Рылѣевъ отвѣчалъ мнѣ на ето что нѣтъ, что онъ съ Грибоѣдовымъ говорилъ; и сколько помню то прибавилъ сіи слова «онъ нашъ» изъ коихъ я и заключилъ что Грибоѣдовъ былъ принятъ Рылѣевымъ. И тогда разсказалъ
л. 6. об. ему что Грибоѣдовъ былъ въ Кіевѣ и что его тамъ пробовали члены Южнаго общества, но онъ не подался; — ето слышалъ я отъ Полтавскаго пѣхотнаго полка поручика Бестужева, который кажется съ Артамономъ Муравьевымъ, имѣли намѣреніе открыть Грибоѣдову существованіе ихъ общества и принять его, но отложили оное, потому что не нашли въ немъ того образа мыслей какого желали. На ето мнѣ Рылѣевъ ничего не отвѣчалъ; и я остался при мнѣніи моемъ что онъ принялъ Грибоѣдова.

Полковникъ Князь Трубецкой.

№ 6.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 14-го февраля Штабсъ-капитану Бестужеву. л. 7.

1826 года 14 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. штабсъ-капитана Л. Г. Драгунскаго полка *Бестужева* показанія:

Когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества кол. ассесоръ *Грибоѣдовъ?* что извѣстно ему было о намѣреніяхъ, видахъ и средствахъ общества? не было ли сдѣлано ему порученія о свиданіи съ членами южнаго общества и о распространеніи оныхъ въ корпусѣ генерала Ермолова?

Отвѣтъ. Съ Грибоѣдовымъ, какъ съ человѣкомъ свободномыслящимъ я нерѣдко мечталъ о желаніи преобразованія Россіи. Говорилъ даже что есть люди, которые стремятся къ этому—но прямо объ обществѣ, и его средствахъ никакъ не припомню чтобы упоминалъ. Да и онъ какъ поэтъ желалъ этого для свободы книгопечатанія и русскаго платья. Въ члены же его не принималъ я во первыхъ потому что онъ меня и старѣе и умнѣе, а во вторыхъ потому что жалѣлъ подвергнуть опасности такой талантъ; въ чемъ и Рылѣевъ былъ согласенъ. Притомъ же прошедшаго 1825 г. зимою, въ которое время я былъ знакомъ съ нимъ, ничего положительнаго и у насъ не было. Уѣхалъ онъ въ мою бытность въ Москвѣ, въ началѣ Мая, и Рылѣевъ говоря о немъ ни о какихъ порученіяхъ не упоминалъ. Что же касается до разпространенія членовъ въ корпусѣ Генерала Ермолова, я весьма въ томъ сомнѣваюсь ибо оный находясь внѣ круга дѣйствія, ни къ чему бы намъ служить не могъ. л. 7. об.

Штабсъ-капитанъ Алекс. Бестужевъ.

№ 7.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19-го февраля подпоручику Бестужеву-Рюмину. л. 8.

1826 года 19 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. подпоручика *Бестужева-Рюмина* свѣденія:

Точно ли вами, или кѣмъ другимъ былъ принятъ въ члены общества Кол. Ассесоръ *Грибоѣдовъ* и когда именно? При томъ объ-

ясните, по какому поводу онъ былъ у васъ и видѣлся съ Сергѣемъ Муравьевымъ? что тогда сообщено ему было о намѣреніяхъ общества, какого онъ былъ о семъ мнѣнія и какое далъ обѣщаніе насчетъ содѣйствія видамъ общества и распространенія членовъ онаго въ грузинскомъ корпусѣ?

Грибоѣдовъ въ общество принятъ не былъ по двумъ причинамъ; мною тогда Матвѣю Муравьеву изложеннымъ. 1) Что служа при Ермоловѣ онъ нашему обществу полѣзенъ быть не могъ. 2) Не зная ни истиннаго образа мыслей, ни характера Грибоѣдова, опасно было его принять въ наше общество, дабы въ ономъ не сдѣлалъ онъ
л. 8. партіи для Ермолова; въ коемъ общество наше довѣренности не имѣло.
об. На мое мнѣніе согласились и предложенія Грибоѣдову не дѣлали. Былъ же онъ не у меня; а проѣзжалъ чрезъ Кіевъ вмѣстѣ съ Артамономъ Муравьевымъ. И видѣлъ я его только два раза у Трубецкаго. С. Муравьева тогда я просилъ пріѣхать въ Кіевъ, дабы ему вышесказанное мнѣніе сообщить. Онъ его опробовалъ.

Подпорутчикъ Вестужевъ-Рюминъ.

№ 8.

л. 9. Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19-го февраля подполковнику Муравьеву-Апостолу.

1826 года 19 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. подполковника Сергѣя *Муравьева-Апостола* показанія:

Точно ли вами принятъ въ члены общества Кол. Ассесоръ *Грибоѣдовъ* и когда именно? Объясните притомъ, что было предметомъ свиданія вашего съ нимъ у *Бестужева-Рюмина* и что вы тогда сообщили ему Грибоѣдову о намѣреніяхъ общества? Какого онъ былъ мнѣнія и какое далъ обѣщаніе насчетъ содѣйствія видамъ общества и распространенія членовъ онаго въ Грузинскомъ корпусѣ?

Я уже показалъ и теперь вторично подтверждаю мое показаніе что я съ Кол. Ассесоромъ Грибоедовымъ не имѣлъ никакихъ сношеній по обществу, что не принималъ его никогда въ члены онаго, что никогда не имѣлъ съ нимъ свиданія у Бестужева, у коего онъ Грибоедовъ, кажется, и не былъ ногой. — Что видѣлъ его въ Кіевѣ, когда пріѣзжалъ я къ Ар. Муравьеву, ибо онъ Грибоедовъ стоялъ съ Муравьевымъ въ одномъ трактирѣ, и заходилъ къ нему при мнѣ; и наконецъ что Грибоедовъ не былъ принятъ въ члены общества нашего.

Подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ.

Вверху помѣтка: «читано 20 февр.».

№ 9.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19-го февраля Генералъ-маіору кн. Волконскому. л. 10.

1826 года 19 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. Генералъ-маіора князя Волконскаго свѣдѣнія:

Не извѣстно ли вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ?* и не было ли ему сдѣлано порученіе насчетъ распространенія членовъ въ грузинскомъ корпусѣ?

Честь имѣю почтѣннейшѣ донесть что ни могу дать никакого сведенія по вышеозначенному по неизвѣстности мнѣ сихъ обстоятельствъ. Съ Господиномъ Грыбоѣдовымъ я лично весьма мало знакомъ, и лишь по однимъ встрѣчамъ въ свѣтскихъ собраніяхъ въ Москвѣ—при временныхъ моихъ проѣздовъ, чрезъ сей городъ. 19-го Февраля.

Генералъ Маіоръ князь Волконской 4.

№ 10.

Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19-го февраля Штабъ-ротмистру кн. Барятинскому. л. 11.

1826 года 19 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный комитетъ требуетъ отъ г. Штабсъ Ротмистра Князя Барятинскаго свѣдѣнія.

Не извѣстно ли Вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ* и не было ли ему сдѣлано порученіе на счетъ распространенія членовъ въ Грузинскомъ Корпусѣ?

Ежели ето *Грибоѣдовъ* сочинитель то я его лично не знаю, а слыхалъ о немъ какъ объ авторѣ. Не извѣстно такъ же мнѣ членъ-ли онъ тайнаго общества и былъ ли онъ въ Грузіи. О другомъ *Грибоѣдовѣ* никогда не слыхалъ.

Л. Г. гусарскаго полка Штабсъ Ротмистръ

Князь Барятинскій.

№ 11.

л. 12. Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19-го февраля полковнику Давыдову.

1826 года 19 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Комитетъ требуетъ отъ Г. Полковника Давыдова показанія.

Не извѣстно ли Вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ члены Тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ* и не было ли ему сдѣлано порученіе на счетъ распространенія членовъ въ Грузинскомъ Корпусѣ.

Честь имѣю донести ВЫСОЧАЙШЕ учрежденному Комитету, что я никогда не слыхалъ чтобы господинъ Грибоѣдовъ принадлѣжалъ къ обществу, или даже чтобы предлагали ему войти въ оное. Я разъ съ нимъ видѣлся въ Москвѣ на большомъ обѣдѣ, гдѣ, кромѣ литературы, ни о чемъ не говорили.

Отставной полковникъ Давыдовъ.

№ 12.

л. 13. Вопросные пункты Комитета съ отвѣтами 19-го февраля полковнику Пестелю.

1826 года 19 февраля ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Комитетъ требуетъ отъ Г. Полковника *Пестеля* свѣденія:

Не извѣстно ли Вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ члѣны тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ?* и не было ему сдѣлано порученіе на счетъ распространенія члѣновъ въ Грузинскомъ Корпусѣ?

О принадлежности коллежскаго Ассесора Грибоѣдова къ тайному обществу не слыхалъ я никогда ни отъ кого и самъ вовсе его не знаю.

Полковникъ Пестель.

№ 13.

Допросъ, отобранный отъ Грибоѣдова генералъ-адъют. Левашевымъ. л. 14.

№ 224. Коллежскій ассесоръ *Грибоѣдовъ.*

Я тайному обществу не принадлежалъ, и не подозревалъ о его существованіи. По возвращеніи моиму изъ Персіи въ Петербургъ въ 1825 году я познакомился посредствомъ литтературы съ Бестужевымъ, Рылѣевымъ и Абаленскимъ. Жилъ вмѣстѣ съ Адуевскимъ, и по Грузіи былъ связанъ съ Кюхелбекеромъ Отъ всехъ сихъ лицъ ничего не слыхалъ могущаго мнѣ дать малейшію мысль о тайномъ обществѣ. Въ разговорахъ ихъ видилъ часто смѣлыя сужденія на счетъ правительства, въ коихъ самъ я бралъ участіе: осуждалъ что казалось вреднымъ, и желалъ луччего. Болѣе ни какихъ дѣйствихъ моихъ не было могущихъ на меня навлечь подазреніе и почему оное на меня пало истолковать не могу. (Подпись). Коллежскій Ассесоръ Александръ Грибоѣдовъ.

Генералъ-Адъютантъ Левашевъ.

Текстъ написанъ рукою ген.-ад. Левашова.

Помѣтки карандашомъ:

Спросить у Адуевскаго

Трубец. (21 ст.) знаетъ отъ Рылѣева, что онъ принялъ Грибоѣдова.

24-го февр.

№ 14.

Вопросные пункты Грибоѣдову 24-го февраля. л. 15.

Помѣка: Читано 25-го февр.

1826 Года 24 февраля, Въ присудствіи ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ* спрашиванъ и показалъ:

I.

Какъ ваше имя, отечество и фамилія, какого вы исповѣданія, сколько вамъ отъ роду лѣтъ, ежегодно ли бываетѣ на исповѣди и у святаго причастія, гдѣ служите, не были ль подъ судомъ, въ штрафахъ и подозрѣніяхъ и за что именно?

2.

Гдѣ воспитывались, какимъ наукамъ учились и кто преподавалъ вамъ оныя?

3.

Въ началѣ перваго показанія своего вы, отрицаясь отъ принадлежности къ числу членовъ злоумышленнаго тайнаго общества,
л. 15. изъяснились далѣе такъ, что будучи знакомъ съ Бестужевымъ, Рылѣевымъ, Оболенскимъ, Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ, часто слыоб. шали смѣлыя сужденія ихъ на счетъ правительства, въ коихъ сами вы брали участіе, осуждали, что казалось вреднымъ и желали лучшаго.

4.

Въ томъ же смыслѣ, но съ большою важностію и рѣшительностію Комитету извѣстны мнѣнія ваши, изъявленныя означеннымъ лицамъ.

Не только они, но князь Трубецкой и другіе, по словамъ первыхъ, равно считали васъ раздѣлявшимъ ихъ образъ мыслей и намѣреній, а слѣдственно (по ихъ правиламъ пріема въ члены) принадлежащимъ къ ихъ обществу, и дѣйствующимъ въ ихъ духѣ.

Убѣжденіе сіе основано было на собственныхъ словахъ вашихъ
л. 16. особенно послѣ того:

а) что Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ прямо открыли вамъ, что есть общество людей, стремящихся къ преобразованію Россіи и введенію новаго порядка вещей; говорили вамъ о многочисленности сихъ людей, о именахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, о цѣляхъ, видахъ и средствахъ общества, и

в) что отвѣтомъ вашимъ на все то было изъявленіе одобрѣнія, желаній и пр.

Въ такой степени прикосновенности вашей къ злоумышленному обществу, Комитетъ требуетъ показаній вашихъ въ томъ:

а) въ чемъ именно состояли тѣ смѣлыя на счетъ правительства означенныхъ вами лицъ, сужденія, въ коихъ сами вы брали участіе?

л. 16. б) что именно находили вы притомъ достойнымъ осужденія и об. вреднымъ въ правительствѣ и въ чемъ заключались желанія ваши лучшаго?

в) когда и что именно узнали вы особенно отъ Рылѣева, Бестужева и Одоевскаго о существованіи общества людей, стремящагося къ преобразованію Россіи?

г) съ тѣмъ вмѣстѣ, что узнали вы о многочисленности сихъ людей, и кто изъ нихъ былъ вамъ названъ?

д) сказано ли вамъ было гдѣ находились центры и отдѣленія членовъ тайнаго общества?

е) что именно сказано вамъ о цѣли, видахъ и средствахъ дѣйствій онаго?

ж) объясните, въ чемъ именно состояли ваши во всемъ томъ мнѣнія и одобренія?

з) Въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлію вы между прочимъ, въ л. 17.
бесѣдахъ съ Бестужевымъ, неравнодушно желали рускаго платья и свободы книгопечатанія?

и) По показанію князя Оболенскаго вы наконецъ дня за три до отъѣзда вашего изъ Петербурга рѣшительно были приняты въ члены тайнаго общества. Объясните какого рода дали вы обѣщаніе неутомимо дѣйствовать въ духѣ сего общества; и какое дано вамъ порученіе на счетъ приготовленія умовъ къ революціоннымъ правиламъ, въ кругу вашего пребыванія, и распространенія членовъ общества?

і) По какому случаю вы, проѣзжая Кіевъ, имѣли свиданіе съ Бестужевымъ-Рюминымъ и Муравьевыми, Артамономъ и Сергѣемъ, изъ коихъ за послѣднимъ нарочито было посылаемо? Что было предметомъ л. 17.
вашего совѣщанія и что открыто вамъ было о приготовленіяхъ южнаго общества къ началу открытыхъ возмутительныхъ дѣйствій? об.

Въ заключеніе вы по совѣсти должны показать все то, что извѣстно вамъ о составѣ тайныхъ обществъ, ихъ цѣли и образа дѣйствій.

Вы ли писали письмо которое передъ собою видите, Кухельбекеру?

Надворный Совѣтникъ А. Ивановскій.

№ 15.

Отвѣты Грибоѣдова. л. 18.

На данные мнѣ вопросные пункты отъ ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета имѣю честь отвѣтствовать.

I.

Имя мое: Грибоѣдовъ Александръ Сергѣевъ.
Греко-каѳолическаго исповѣданія
родился въ 1796 году.

Обязанности мои, какъ сынъ Церкви исполняю ревностно. Если бывали годы, что я неисповѣдывался, и неприобщался Святыхъ Тайнъ то оно случалось непроизвольно.

Служу Секретаремъ по Дипломатической части при Главноуправляющемъ въ Грузіи.

Подъ судомъ, въ штрафахъ и подозрѣніи не бывалъ.

2.

Воспитывался частію дома, частію въ Московскомъ Университетѣ, подъ надзоромъ профессора Буле, учился правамъ, наукамъ математическимъ и языкамъ.

3 и 4.

И теперь имѣю честь подтвердить первое мое показаніе.

К. Трубецкій и другіе его единомышленники напрасно полагали меня раздѣлявшимъ ихъ образъ мыслей. Если соглашался я съ ними въ сужденіяхъ о нравахъ, новостяхъ, литературѣ, это еще не доказательство, что и въ политическихъ моихъ мнѣніяхъ я съ ними былъ согласенъ. Смѣло могу сказать, что по нынѣ открывшимся важнымъ
л. 18. об. обстоятельствамъ заговора, мои правила съ правилами К. Трубецкаго ничего не имѣютъ общаго. При томъ же я его почти не зналъ.

а.

Рылѣевъ и Бестужевъ никогда мнѣ о тайныхъ политическихъ замыслахъ ничего не открывали.

в.

И потому отвѣтомъ моимъ на сокровенность ихъ предпріятій, вовсе мнѣ неизвѣстныхъ, не могло быть ни одобреніе, ни порицаніе.

а } б }

Сужденія мои касались до частныхъ случаевъ, до злоупотребленій нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальствъ, до вещей, всѣмъ извѣстныхъ, о которыхъ всегда въ Россіи говорится довольно гласно. Я же не только не способенъ быть ораторомъ возмущенія, много если предаюсь избытку искренности въ тѣсномъ кругу людей кроткихъ, и благомыслящихъ, терпѣливо ожидая времяни, когда моя служба или имя писателя обратятъ на меня вниманіе Вышняго Правительства, предъ которымъ я былъ бы еще откровеннѣе.

в } г } д } е } ж }

Ничего мнѣ подобнаго не открывали. Я повторяю, что ничего не зная о Тайныхъ Обществахъ я никакого собственнаго мнѣнія объ нихъ не могъ имѣть.

з }

Русскаго платья желалъ я, потому что оно красивѣе и покойнѣе фраковъ и мундировъ, а вмѣстѣ съ этимъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, л. 19.
сердцу моему чрезвычайно любезныхъ.

Я говорилъ не о безусловной свободѣ книгопечатанія, желалъ только чтобы она не стѣснялась своенравіемъ иныхъ цензоровъ.

и.

Показаніе К. Оболенскаго совершенно несправедливо. Не могу постигнуть на какихъ ложныхъ слухахъ онъ это основывалъ, не на томъ ли, что меня имянно за три дни до моего отъѣзда приняли въ Общество Любителей Русской Словесности, общество, которое подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ издаетъ всѣмъ извѣстный журналъ: *Соревнователь*, и отъ вступленія въ которое я чрезвычайно долго отговаривался, ибо поэзію почиталъ истиннымъ услажденіемъ моей жизни, а не ремесломъ.

і }

Пребываніе мое въ Кіевѣ было самое непродолжительное проѣздомъ въ Крымъ и на Кубань: чрезъ эти мѣста я возвращался къ моей должности въ Грузію. Гдѣ Муравьевыхъ и Бестужева-Рюмина видѣлъ мелькомъ; разговоровъ не только вредныхъ Правительству, л. 19.
но въ которыхъ требуется хотя несколько довѣренности я съ ними об.
не имѣлъ: потому что не успѣвъ еще порядочно познакомиться, я непростясь уѣхалъ. Обстоятельство, что за однимъ изъ нихъ былъ посланъ нарочной для меня вовсе неизвѣстно; изъ сдѣланнаго мнѣ теперь вопроса, узнаю объ этомъ въ первый разъ.

Письмо, которое мнѣ здѣсь показано, моей руки, и писано къ Кюхельбекеру.

Коллежскій Ассесоръ Александръ Грибоѣдовъ.

№ 16.

Вопросный пунктъ князю Оболенскому л. 20.
съ отвѣтами 25 февраля.

1826 года 25 февраля, ВЫСОЧАЙШЕ учрежденный Комитетъ требуетъ отъ Г. Поручика Л. Г. Финляндскаго Полка князя Оболенскаго показанія.

Противу показанія вашего о томъ, что Кол. Ассесоръ *Грибоѣдовъ* былъ принятъ въ члены тайнаго общества мѣсяца за два или за три до 14 декабря, онъ, Грибоѣдовъ отвѣчаетъ, что дня за три до отъѣзда его изъ Петербурга онъ точно былъ принятъ въ общество, но только въ Высочайше учрежденное, издающее журналъ: *Соревнователь*, а не въ тайное. Объясните: ежели дѣйствительно онъ былъ принятъ въ члены тайнаго общества, то когда и кѣмъ именно и не было ли притомъ свидѣтелей?

О принятіи Грибоѣдова въ члены Общества я слышалъ отъ принявшаго его Рылѣева, и болѣе совершенно никакихъ подробностей принятія его не слыхалъ, и не могу сказать кто былъ свидѣтелемъ при пріемѣ его:—О времени же принятія его я по истиннѣ показать не могу съ точностію:—но сколько помню сіе было за мѣсяцъ или за два до отъѣзда его отсюда:—вотъ все что могу сказать о принятіи Грибоѣдова въ подтвержденіе прежняго показанія моего: — никакіе впротчемъ подробности принятія его мнѣ неизвѣстны: — самъ же лично, послѣ принятія Грибоѣдова, сколько сіе помню, съ нимъ не встрѣчался.—

Князь Евгеній Оболенскій.

№ 17.

л. 21. Вопросные пункты Грибоѣдову съ отвѣтами 15 марта

1) Вопросы.

Помѣта:—Читано 16 марта.

1826 Года 15 марта въ присудствіи Высочайше учрежденнаго Комитета Коллежскій Ассесоръ *Грибоѣдовъ*, спрашиванъ и показалъ.

Въ дополненіе сдѣланныхъ вами отвѣтовъ поясните откровенно слѣдующее:

1) при отъѣздѣ вашемъ изъ Петербурга, не предлегалъ ли вамъ Рылѣевъ или кто другой писемъ, для доставленія къ Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину и не сказано ли вамъ было о содержаніи оныхъ?

2) Равнымъ образомъ, не поручалъ ли вамъ Рылѣевъ или Александръ Бестужевъ какихъ либо стиховъ и прозаической статьи, подъ
л. 21. названіемъ Катихизисъ, для доставленія на Югъ?
об. 3) По какому именно случаю вы имѣли свиданіе въ Кіевѣ съ Артамономъ и Сергѣемъ Муравьевыми и Бестужевымъ-Рюминымъ?

гдѣ и когда вы познакомились съ ними? не имѣли ли вы съ ними переписки изъ Грузіи?

4) что говорили они вамъ о Пестелѣ и кто изъ нихъ предлагалъ вамъ познакомиться съ нимъ?

5) въ бытность вашу въ Кіевѣ видѣлись ли вы съ штабсъ-капитаномъ Корниловичемъ и что разсказывалъ онъ вамъ или писалъ о сдѣланномъ имъ на Югѣ открытіи?

7) при возвращеніи вашемъ въ Грузію гдѣ вы видѣлись съ *Сухачевымъ* (служившимъ въ Грузіи)? л. 22.

а) Давно ль вы съ нимъ знакомы и у кого бывали вмѣстѣ?

б) что вамъ извѣстно отъ него, или по слухамъ, о предложеніи, какое онъ дѣлалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, о основаніи тайнаго общества въ отдѣльномъ Грузинскомъ Корпусѣ, и какія представлялъ онъ доказательства о возможности распространить тамъ членовъ сего общества?

в) что извѣстно вамъ о намѣреніи Сухачева посѣлиться въ Ростовѣ и о предпріятіи его ѣхать въ Таганрогъ? отъ кого и когда вы слышали или знали о семъ? л. 22. об. 1.

2) Отвѣты.

На заданные мнѣ вопросы ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнымъ Комитетомъ честь имѣю отвѣтствовать: л. 23.

1) 2)

При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга сколько мнѣ помнится Бестужева вовсе не было въ городѣ, по крайнѣй мѣрѣ то вѣрно, что я съ нимъ тогда не видѣлся; ни онъ ни Рылѣевъ, и никто не дѣлалъ мнѣ никакихъ порученій въ Кіевъ, ни писемъ, ни книгъ никто мнѣ не давалъ, ни на имя Муравьева, о которомъ я даже не зналъ, что онъ тамъ пребываетъ, ни на чье либо другое.

3)

Во время самого коротkаго моего пребыванія въ Кіевѣ, одинъ Муравьевъ туда пріѣхалъ на встрѣчу къ женѣ, съ которою дни два, три или менѣе пробылъ въ одномъ трактирѣ со мною; потомъ они уѣхали. Другого я видѣлъ у Трубецкаго, все это было въ присутствіи дамъ, и мы можно сказать разстались едва знакомыми. Переписки я съ нимъ никогда не имѣлъ.

4)

О Пестелѣ ничего говорено не было.

5)

Съ Штабсъ-Капитаномъ Корниловичемъ я въ Кіевѣ не видѣлся.

7)

Я не знакомъ съ Сухачевымъ, и никогда не слыхалъ о его существованіи.

Коллежскій Ассесоръ Грибоѣдовъ.

№ 18.

Записка о Грибоѣдовѣ.

Копія

л. 24. О Коллежскомъ Ассесорѣ *Грибоѣдовѣ.*

На докладной запискѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *Выпустить съ очистительнымъ аттестатомъ.*

Рукою барона Дибича приписано: Высочайше повелѣно произвесть въ слѣдующій чинъ и выдать не въ зачетъ годовое жалованье.

Коллежскій Ассесоръ Грибоѣдовъ не принадлежалъ къ обществу и о существованіи онаго не зналъ. Показаніе о немъ сдѣлано княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ 1-мъ со словъ Рылѣева; Рылѣевъ же отвѣтилъ, что имѣлъ намѣреніе принять Грибоѣдова; но не видя его наклоннымъ ко вступленію въ общество, оставилъ свое намѣреніе. Всѣ прочіе его членомъ не почитаютъ.

Вѣрно, Надворный Совѣтникъ А. Ивановскій.

II.

17 декабря 1825 года императоръ Николай Павловичъ подписалъ оставшійся не опубликованнымъ указъ на имя военнаго министра. Этимъ указомъ учреждался комитетъ для слѣдственныхъ изысканій о злоумышленныхъ обществахъ, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра графа Татищева. Членами комитета или, какъ обыкновенно говорили, слѣдственной комиссіи были назначены: великій князь Михаилъ Павловичъ, князь Голицынъ и генералъ-адъютанты: Голенищевъ-Кутузовъ, Бенкендорфъ и Левашовъ. Впослѣдствіи къ нимъ были присоединены дежурный генералъ Потаповъ, начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ и Чернышевъ. Комиссія дѣятельно принялась за розыски. Журналы комиссіи представлялись Государю, и всѣ исходящія бумаги подписывались военнымъ министромъ. На первыхъ же порахъ комиссіи пришлось сдѣлать очень много постановленій объ арестѣ и привлеченіи къ дѣлу. Заподозрѣнные свозились въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Фамилія Грибоѣдова въ первый разъ въ комитетѣ была произнесена 23 декабря. Князю Трубецкому былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: «не существуютъ ли подобныя (т. е. тайныя) общества въ

отдѣльныхъ корпусахъ и въ военныхъ поселеніяхъ и не извѣстны ли вамъ ихъ члены?» Трубецкой далъ слѣдующій отвѣтъ: «Мнѣ неизвѣстно чтобъ подобныя общества существовали въ отдѣльныхъ корпусахъ или въ военныхъ поселеніяхъ. Я знаю только, что въ I корпусѣ есть полковникъ Вольской, съ которымъ я не знакомъ. Въ другихъ же корпусахъ я наименовалъ кого зналъ. Г. М. князь Волконской говорилъ мнѣ что есть или должно быть по его предположенію какое то общество въ Грузинскомъ корпусѣ, что онъ объ етомъ узналъ на Кавказѣ, но онъ неудовлетворительно о томъ говорилъ и кажется располагалъ на однихъ догаткахъ. Я знаю только изъ словъ Рылѣева что онъ принялъ въ члены Грибоѣдова, который состоитъ при генералѣ Ермоловѣ; онъ былъ лѣтомъ въ Кіевѣ, но тамъ не являлъ себя за члена; ето я узналъ въ нынѣшній мой пріѣздъ сюда» [2].

Очевидно, это показаніе и дало поводъ привлечь къ дѣлу Грибоѣдова. Въ журналахъ комиссіи этотъ поводъ указанъ не совсѣмъ точно. Въ протоколѣ IX засѣданія 26-го декабря сказано, что комиссія, выслушавъ письменные отвѣты Рылѣева и допросъ кап.-лейт. Бестужева и штабсъ-капит. Бестужева, положила взять подъ арестъ цѣлый рядъ лицъ, оказывающихся, по ихъ показаніямъ, соучастниками въ обществѣ мятежниковъ, и въ томъ числѣ Грибоѣдова. На самомъ дѣлѣ, только въ отвѣтахъ Рылѣева мы находимъ нѣкоторыя основанія для постановленія комиссіи объ арестѣ Грибоѣдова. 24-го декабря комиссія предложила Рылѣеву, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «когда и гдѣ вы приняли въ члены Грибоѣдова?» Рылѣевъ въ своемъ показаніи далъ слѣдующій отвѣтъ: «Грибоѣдова я не принималъ въ общество; я испытывалъ его, но нашедъ, что онъ не вѣритъ возможности преобразовать правительство, оставилъ его въ покоѣ. Если же онъ принадлежитъ обществу, то могъ его принять князь Одоевскій, съ которымъ онъ жилъ, или кто-либо на Югѣ, когда онъ тамъ былъ» [3]. Какъ видно изъ письменныхъ отвѣтовъ Александра Бестужева, данныхъ, правда, значительно позже, онъ былъ далекъ отъ оговора Грибоѣдова. Очень трудно допустить оговоръ со стороны Николая Бестужева какъ по содержанію его позднѣйшихъ показаній въ комиссіи, такъ и по его личному характеру. Несомнѣнно, комиссія, дѣлая постановленіе объ арестѣ Грибоѣдова, руководствовалась только показаніями Трубецкого и Рылѣева.

Уже 27-го декабря послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на приведеніе въ исполненіе постановленія комиссіи [4]. Пока шла бумага

2 Государственный Архивъ I. В № 333 л. 11 и 21.

3 Г. А. I В № 334 л. 15 об.

4 Пользуемся случаемъ, чтобы указать на ложныя сообщенія Д. И. Завалишина въ его «Воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ» («Древняя и новая Россія», 1879, т. I кн. 4 стр. 311 и слѣд. Нѣкоторыя дополненія см. въ «Запискахъ декабриста Д. И. Завалишина». Мюн-

объ арестѣ Грибоѣдова на Кавказъ къ Ермолову, пока его везъ фельдъегерь, слѣдственная комиссія добыла слѣдующій матеріалъ для обвиненія Грибоѣдова.

21-го января 1826 года князь Евгеній Петровичъ Оболенскій обратился къ Государю съ всеподданнѣйшимъ письмомъ. Замѣчательно цѣльный и искренній человѣкъ, онъ не вынесъ формальностей слѣдствія и совершенно не былъ въ состояніи остаться на обычной точкѣ зрѣнія подслѣдственныхъ, не былъ въ состояніи говорить лишь немногое, умалчивать о многомъ, и поэтому рѣшилъ сказать все, что онъ зналъ. Онъ писалъ:

Ваше Императорское Величество

Всемилостивѣйшій Государь!

Удостоившись получить нынѣ прощеніе Царя Небеснаго, и предстать ему съ успокоенною совѣстію, я первымъ долгомъ поставляю пасть къ ногамъ твоимъ, Государь Всемилостивѣйшій, и просить тебя не земнаго; но душевнаго христіанскаго прощенія.—Какъ вышній мой судія земной, накажи меня за поступки мои: съ терпѣніемъ и любовью снесу я бремя тобою на меня наложенное; но, какъ отецъ твоихъ подданныхъ воззри на мое сердце, на мои намѣренія, и естьли въ первомъ ты не найдешь злобы; въ послѣднихъ своекорыстія; то изреки прощеніе въ душѣ заблуждшему сыну твоему: я можетъ быть никогда не удостоюсь услышать сіе слово отъ тебя; но вѣрь, о Государь, что я нынѣ, по чувствамъ моимъ, достоинъ онаго.

Нынѣ, одна вина осталась у меня предъ тобою:—Доселѣ я представилъ Коммитету тобою учрежденному, только имяна тѣхъ члѣновъ нашего общества, коихъ скрыть мнѣ было невозможно, по поступкамъ ихъ, или личнымъ сношеніямъ:—прочіе остались скрыты въ сердцѣ моемъ:—Мое молчаніе ты счелъ можетъ быть, о Государь, преступнымъ упорствомъ. Осмѣливаюсь самаго тебя поставить судьею поступка моего. Члѣны общества принявъ меня въ сотоварищи свои, честному слову моему, и клятвенному обѣщанію, ввѣрили честь, бла-

хенъ. 1904., т. II, стр. 34—36). Онъ причисляетъ А. Б. (конечно, Александра Бестужева) къ тѣмъ членамъ, которые не славились ни скромностію, ни твердостію характера. «При первомъ же спросѣ ген. Левашовымъ—пишетъ Д. И. Завалишинъ,—А. Б... написалъ цѣлый списокъ именъ, включивъ въ число членовъ тайнаго общества даже и такихъ лицъ, которыхъ считалъ членами только по догадкѣ, хотя они не были ими. По такому валовому списку были именно арестованы и я, какъ сказалъ мнѣ самъ ген. Левашовъ (при первомъ арестованіи меня), и Грибоѣдовъ: но относительно его, А. Б... не могъ ничего представить кромѣ догадокъ». Во-первыхъ, рядъ названныхъ Бестужевымъ лицъ вовсе не великъ: всего нѣсколько человѣкъ, которые и безъ того были бы взяты. Въ этомъ спискѣ нѣтъ Грибоѣдова. Во-вторыхъ, показанія Бестужева о Грибоѣдовѣ (№ 6) исключаютъ всякую возможность предположенія Д. И. Завалишина. Самъ же Завалишинъ былъ взятъ вторично по доносу собственнаго роднаго брата. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на статью Д. И. Завалишина не дѣлаемъ указаній на страницѣ.

годенствіе и спокойствіе какъ каждаго изъ нихъ; такъ и семействъ, къ коимъ они принадлежатъ. Могъ ли я тою самою рукою, которая была имъ залогомъ вѣрности, предать ихъ суду тобою назначенному, для сохраненія жизни своей или уменьшенія нѣсколькими золотниками того бремени, которое промысломъ Всевышняго на меня наложено. Государь, я не въ силахъ былъ исполнить сей жестокой обязанности:—Но вѣра, примиривъ меня съ совѣстію моею, вмѣстѣ съ тѣмъ представила высшія отношенія мои; милосердіе же твое, о Государь, меня побѣдило. Въ то время когда я лишился всѣхъ надеждъ, когда темница сдѣлалась мой міръ, а голыя стѣны оной — товарищами моей жизни, маніемъ благотворной руки твоей, письмо отца моего, какъ Ангелъ-утѣшитель, принесло спокойствіе и отраду душѣ моей. Благодаяніе твое, Монархъ милосердый, воззрѣніе твое на мольбу семидесятилѣтняго старца, останется незабвеннымъ въ душѣ моей. И потому, видя въ тебѣ не строгаго Судью, но отца милосердаго, я, съ твердымъ упованіемъ на благость твою, повергаю тебѣ жребій чадъ твоихъ, которые не поступками, но желаніями сердца могли заслужить твой гнѣвъ.

Прости, о Государь, если я на нѣсколько минутъ обратилъ вниманіе твое на нещастнаго страдальца; но гласъ совѣсти моей былъ для меня выше всѣхъ земныхъ приличій, и потому воззри милосердымъ окомъ,

Всемилостивѣйшій Государь

на вѣрноподданнаго твоего

князя Евгенія Оболенскаго.

21-го Января 1826 года.

Къ этому письму былъ приложенъ длинный списокъ всѣхъ бывшихъ членами тайнаго общества; въ ихъ числѣ былъ записанъ и Грибоѣдовъ. О немъ князь Оболенскій сообщалъ, что «онъ былъ принятъ въ члены общества мѣсяца два или три предъ 14-мъ декабря, и вскорѣ потомъ уѣхалъ; почему дѣйствій его въ обществѣ совершенно не было»[5].

Наконецъ, 30-го января нѣкоторыя свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ далъ Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, командиръ Ахтырскаго полка. Ему былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: «кто именно былъ тотъ Грибоѣдовъ, съ которымъ вы пріѣхавъ къ Бестужеву (т. е. Бестужеву-Рюмину, въ Кіевѣ) нетерпѣливо желали видѣться съ Сергѣемъ Муравьевымъ, за которымъ Бестужевъ посылалъ нарочнаго, и въ чемъ заключались какъ предметъ требуемаго свиданія съ нимъ, такъ и взаимныя ваши разговоры?». А. З. Муравьевъ отвѣчалъ: «Грибоѣдовъ

[5] Г. А. I В № 335 л. 19 и 22 об.

котораго желалъ познакомить съ Муравьевыми тотъ самый который при генералѣ отъ артиллеріи Ермоловѣ находится. Желаніе мое видеть Сергея Муравьева тогда истинно было родственное и дружеское, касательно Грибоѣдова то говоря о моемъ братѣ, какъ о особенно умномъ человѣкѣ, и зная что Грибоѣдовъ предполагалъ остаться въ Кіевѣ, то хотѣлъ доставить ему етимъ удовольствіе. Съ Муравьевымъ Сергѣемъ я виделся тогда коротко, ибо онъ пріѣхалъ въ полдень а уѣхалъ на другое утро рано. Во время же его бытности сихъ нѣсколькихъ часовъ, пріѣхала моя жена съ которою я 6 мѣсяцевъ не видался. При мнѣ разговоръ ихъ въ которомъ я участвовалъ урывками былъ общій, и не касающійся до общества» [6].

Три момента должны были привлечь вниманіе слѣдственной комиссіи: принадлежность къ обществу, цѣль пребыванія въ Кіевѣ и отношенія его къ предполагаемому тайному обществу въ корпусѣ генерала Ермолова.

III.

27-го декабря 1825 года послѣдовало соизволеніе на арестъ Грибоѣдова. Только 2-го января 1826 года было послано отношеніе, подписанное военнымъ министромъ, на имя Ермолова за № 52 слѣдующаго содержанія:

«По волѣ Государя Императора покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство приказать немедленно взять подъ арестъ служащаго при васъ чиновника Грибоѣдова со всѣми принадлежащими ему бумагами, употребивъ осторожность, чтобы онъ не имѣлъ времени къ истребленію ихъ, и прислать какъ оныя, такъ и его самаго подъ благонадежнымъ присмотромъ въ Петербургъ прямо къ Его Императорскому Величеству» [7].

Ермоловъ въ январѣ 1826 года предпринялъ движеніе на Чечню. 21-го января отрядъ изъ Червленой станицы выступилъ въ крѣпость Грозную. Сюда прибылъ Ермоловъ 22-го вечеромъ. Въ этотъ же вечеръ въ Грозную прискакалъ фельдъегерь Уклонскій съ бумагой военнаго министра. Грибоѣдовъ былъ въ это время вмѣстѣ съ Ермоловымъ. Д. А. Смирновъ, хорошо освѣдомленный біографъ Грибоѣдова, со словъ его друга С. Н. Бѣгичева, разсказываетъ: «Курьеръ, прискакавшій за Грибоѣдовымъ въ Екатериноградскую станицу, засталъ Ермолова за ужиномъ съ обычнымъ его обществомъ. Получивъ депешу, Ермоловъ вышелъ въ другую комнату прочитать ее и сейчасъ

[6] Г. А. I В № 403 л. 13 об. и 19.
[7] Отпускъ отношенія—въ дѣлѣ Г. А. I В № 31 л. 3.

позвалъ туда Грибоѣдова. «Ступай домой и сожги все, что можетъ тебя компрометировать» — сказалъ онъ. «За тобой прислали, и я могу дать тебѣ только часъ времени». Грибоѣдовъ ушелъ и, послѣ назначеннаго срока, Ермоловъ пришелъ арестовать его со всей толпой — съ начальникомъ штаба и адъютантами. Часть бумагъ Грибоѣдова была въ крѣпости Грозной, — Ермоловъ далъ предписаніе коменданту взять ихъ и вручить курьеру»[8]. Д. В. Давыдовъ въ своихъ запискахъ со словъ достовѣрныхъ свидѣтелей утверждаетъ, что «Ермоловъ, желая спасти Грибоѣдова, далъ ему время и возможность уничтожить многое, что могло болѣе или менѣе подвергнуть его бѣдѣ»[9]. Очевидецъ ареста Шимановскій также утверждаетъ, что Грибоѣдову удалось уничтожить компрометирующія бумаги; «если бы бумаги Грибоѣдова уцѣлѣли, то онъ не возвратился бы изъ Петербурга»[10]. Разсказъ Шимановскаго объ обстоятельствахъ ареста исполненъ крупныхъ неточностей: онъ, напр., относитъ его къ 28-му декабря 1825 года. Но вообще можно считать установленнымъ, что Грибоѣдовъ былъ предупрежденъ объ арестѣ.

Но дѣйствительно ли уничтоженныя бумаги были такъ опасны для Грибоѣдова? Г. Вейденбаумъ въ своей статьѣ объ арестѣ Грибоѣдова, написанной по архивнымъ даннымъ, сомнѣвается въ этомъ[11], указывая, между прочимъ, и на то, что извѣстіе о событіяхъ 14-го декабря было получено Ермоловымъ 24-го декабря и, слѣдовательно, Грибоѣдовъ имѣлъ возможность уничтожить ихъ и раньше. Какого же содержанія могли быть бумаги? Компрометировать Грибоѣдова могла только переписка, и ее-то онъ и уничтожилъ. Она, дѣйствительно, могла бы осложнить его дѣло.

Какъ бы тамъ ни было, 22-го же вечеромъ былъ произведенъ арестъ Грибоѣдова и осмотръ его бумагъ. Всѣ бумаги были опечатаны и сданы подъ росписку фельдъегерю; вещи и книги Грибоѣдовъ получилъ обратно. Сохранился списокъ найденныхъ у него книгъ: въ немъ нѣтъ ни одной книги, которая намекала бы на то, что ея владѣлецъ интересуется злободневными соціальными вопросами. Въ его чемоданѣ нашли: Словарь россійской академіи, сочиненія Державина, Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, Описаніе Кіево-Печерской лавры, краткое описаніе Кіева, Народныя сербскія пѣсни, Сербскій словарь, Старинныя малороссійскія пѣсни, Кіевскіе

8 Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности. Вып. 2-й, М. 1868, отд. 2, стр. 1—30. Въ разсказѣ Смирнова нѣкоторая путаница: Грибоѣдовъ былъ взятъ въ Грозной, а часть его бумагъ находилась во Владикавказѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылокъ на страницы не дѣлаемъ.

9 Записки Д. В. Давыдова. (Mémoires inédits de Denis Davydow) Лондонъ 1863, стр. 44.

10 «Русскій Архивъ» 1875, т. II (кн. 7), стр. 213.

11 Е. Г. Вейденбаумъ. Кавказскіе этюды. Тифлисъ 1901, стр. 261—267.

святцы, Путешествіе по Тавридѣ и одну греческую книгу. Въ Владикавказѣ, гдѣ курьеръ получилъ еще часть бумагъ Грибоѣдова, тоже нашли книги, именно: Родословная исторія о татарахъ Абульгази, исторія Бургундіи, Правила славянскаго языка Добровскаго и Зендавеста въ нѣмецкомъ переводѣ. Тутъ же оказалась фотографическая карта Крыма. Очевидно, всѣ эти книги ѣхали съ Грибоѣдовымъ изъ Петербурга.

23 января Ермоловъ секретно сообщалъ барону Дибичу: «Господинъ Военный министръ сообщилъ мнѣ Высочайшую Государя Императора волю взять подъ арестъ служащаго при мнѣ коллежскаго ассесора Грибоѣдова и подъ присмотромъ прислать въ Петербургъ, прямо къ Его Императорскому Величеству. Исполнивъ сіе я имѣю честь препроводить Г-на Грибоѣдова къ Вашему Превосходительству.—Онъ взятъ такимъ образомъ, что не могъ изтребить находившихся у него бумагъ, но таковыхъ при немъ не найдено кромѣ весьма немногихъ, кои при семъ препровождаются. Если же бы въ послѣдствіи могли быть отысканы оныя, я всѣ таковыя доставлю. Въ заключеніе имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, что Г. Грибоѣдовъ во время служенія его въ Миссіи нашей при Персидскомъ дворѣ и потомъ при мнѣ какъ въ нравственности своей такъ и въ правилахъ не былъ замѣченъ развратнымъ и имѣетъ многія хорошія весьма качества» [12].

23 января фельдъегерь Уклонскій вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ выѣхалъ изъ Грозной въ Екатеринодаръ, здѣсь имъ пришлось ожидать, пока прибудутъ чемоданы Грибоѣдова, находившіеся въ Владикавказѣ. Только 30 января фельдъегерь и Грибоѣдовъ выѣхали изъ Екатеринодара. Фельдъегерь оказался покладистымъ человѣкомъ, и ѣхать съ нимъ было не особенно тяжело. Въ Москву прибыли въ первыхъ числахъ февраля. Вотъ какъ С. Н. Бѣгичевъ разсказывалъ Д. А. Смирнову объ этомъ пребываніи Грибоѣдова въ Москвѣ:

«Грибоѣдовъ, чтобы не испугать меня, проѣхалъ прямо въ домъ брата моего, Дмитрія Никитича, въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Пятницы-Божедомской. Въ этотъ самый день у меня былъ обѣдъ: родные съѣхались провожать брата моей жены А. Н. Барышникова, возвращавшагося изъ отпуска на службу. Дм. Никитичъ долженъ былъ обѣдать у меня же. Ждали мы его, ждали и наконецъ сѣли за столъ. Вдругъ мнѣ подаютъ отъ брата записку такого содержанія: «Если хочешь видѣть Грибоѣдова, пріѣзжай: онъ у меня». Я, ничего не подозрѣвая, на радостяхъ, сказалъ эту вѣсть во всеуслышаніе. Родные, зная мои отношенія къ Грибоѣдову, сами стали посылать меня на это, такъ неожиданно пришедшее свиданіе. Я отправился. «Вхожу въ кабинетъ къ брату — накрытъ столъ; сидятъ и

[12] Г. А. I В № 31 л. 4.

обѣдаютъ. Грибоѣдовъ, братъ и еще какая-то безволосая фигурка въ курьерскомъ сюртукѣ».

«Увидѣлъ я эту фигурку, и меня обдало холоднымъ потомъ, Грибоѣдовъ смекнулъ дѣло и сейчасъ же нашелся. «Что ты смотришь на него?» сказалъ онъ мнѣ. «Или думаешь, что это... такъ... просто курьеръ? Нѣтъ, братецъ, ты не смотри, что онъ курьеръ — онъ происхожденія знатнаго: это испанскій грандъ донъ Лыско Плѣшивосъ да Париченца?» Этотъ фарсъ разсмѣшилъ меня и показалъ, въ какихъ отношеніяхъ находился Грибоѣдовъ къ своему тѣлохранителю. Мнѣ стало нѣсколько легче. Отобѣдали, говорили. Грибоѣдовъ былъ веселъ и совершенно спокоенъ. «А что, братецъ», сказалъ онъ тѣлохранителю, — «вѣдь у тебя здѣсь родные, ты бы съѣздилъ повидаться съ ними». Тѣлохранитель былъ очень радъ, что Грибоѣдовъ его *отпускаетъ*, и сейчасъ уѣхалъ».

«Первымъ моимъ вопросомъ было выраженіе удивленія, какими судьбами и по какому праву распоряжается онъ и временемъ, которое уже не принадлежало и особою своего тѣлохранителя. «Да что!» отвѣчалъ онъ мнѣ — «я сказалъ этому господину, что если онъ хочетъ довезти меня живого, такъ пусть дѣлаетъ то, что мнѣ угодно. Не радость же мнѣ въ тюрьму ѣхать!»

«Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву около 4 час. пополудни и выѣхалъ въ 2 часа ночи.

«На третій день я отправился къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ (матери Грибоѣдова), и та съ обыкновенной своей заносчивостью, съ первыхъ же словъ, начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ и проч. и проч. Проѣздомъ черезъ Тверь, какъ я узналъ отъ него послѣ, онъ опять остановился: у тѣлохранителя оказалась тамъ сестра, къ которой они и въѣхали. Грибоѣдовъ, войдя въ комнату, увидалъ фортепьяно и, — глубокій музыкантъ въ душѣ, — не вытерпѣлъ и сѣлъ къ нему... Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента!

«По пріѣздѣ въ Петербургъ, курьеръ привезъ его въ Главный Штабъ и сдалъ и его и пакетъ дежурному офицеру. Пакетъ лежалъ на столѣ... Грибоѣдовъ подошелъ, взялъ его... пакетъ исчезъ...

«Имя Грибоѣдова было такъ громко, что по городу сейчасъ же пошли слухи: «Грибоѣдова взяли! Грибоѣдова взяли!»...

IV.

Грибоѣдовъ прибылъ въ Петербургъ 11 февраля 1826 г. Генералъ-адъютантъ Потаповъ 11 февраля доносилъ секретно военному министру: «Имѣю честь донести Вашему Высокопревосходительству, что сего числа привезенъ изъ крѣпости Грозной коллежскій асессоръ

Грибоѣдовъ, который и отправленъ къ Генералъ-адъютанту Башуцкому для содержанія подъ арестомъ въ Главной Гоубвахтѣ»[13].

Въ главной гауптвахтѣ, въ зданіи Главнаго штаба Грибоѣдовъ содержался все время своего заключенія. Сюда свозили арестованныхъ, послѣ того какъ крѣпость была переполнена, и оставляли здѣсь всѣхъ тѣхъ, кто, по ходу слѣдствія, оказывался мало или совсѣмъ не причастнымъ къ дѣлу. Условія заключенія въ Главномъ штабѣ были довольно сносны; заключенные могли входить въ сношенія другъ съ другомъ и даже съ находящимися на волѣ, могли тайно переписываться и т. д. Надзоръ за сидѣвшими въ штабѣ былъ порученъ армейскому офицеру Жуковскому, который былъ легко доступенъ подкупу.

Когда Грибоѣдовъ былъ доставленъ въ штабъ, онъ нашелъ здѣсь, по показанію Д. И. Завалишина, цѣлую группу лицъ: генерала Кальма, графа Мошинскаго, гвардейскаго полковника Сенявина, братьевъ А. и Н. Н. Раевскихъ, князя Баратаева, полковника Любимова, кн. Шаховскаго, Д. И. Завалишина и др.

По разсказу Д. И. Завалишина, вообще не отличающемуся точностью подробностей, полковникъ Любимовъ за десять тысячъ рублей предложилъ Жуковскому выкрасть изъ его дѣла компрометирующія его бумаги. Жуковскій это сдѣлалъ и, понятно, оказался въ большей зависимости отъ заключенныхъ, чѣмъ они отъ него. Достовѣрно во всякомъ случаѣ то, что Жуковскій не прочь былъ дѣлать снисхожденія и даже нарушенія тюремныхъ правилъ. Ѳ. В. Булгаринъ сохранилъ записочки, которыя тайно пересылалъ къ нему Грибоѣдовъ изъ своего заключенія. Въ одной онъ убѣждалъ его познакомиться съ капитаномъ Жуковскимъ: «nous sommes camarades commes cochons» — писалъ Грибоѣдовъ — «можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть». Изъ другой записочки видно, что Жуковскій не брезговалъ и малымъ: Грибоѣдовъ просилъ Булгарина раздобыть ему для Жуковскаго народное изданіе Крылова, которое Жуковскій собирался подарить въ именины какой-то знакомой ему дамочкѣ[14]. Снисходительность офицера доходила до того, что онъ водилъ Грибоѣдова и Завалишина въ кондитерскую Лоредо на углу Невскаго и Адмиралтейской площади. Здѣсь Грибоѣдовъ услаждалъ его слухъ игрой на фортепіано.

Прежде чѣмъ предстать передъ слѣдственной комиссіей, всякій арестованный долженъ былъ дать первыя показанія немедленно же по арестованіи или по прибытіи въ Петербургъ члену комиссіи. Обыкновенно первый допросъ снималъ генералъ-адъютантъ Левашовъ; по

[13] Г. А. I В № 31 л. 5.

[14] Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова подъ ред. И. А. Шляпкина. Спб. 1889, Т. I, стр. 214 и 219.

большей части, онъ собственноручно или же писарь записывали первыя показанія, а допрашиваемый только подписывался. Затѣмъ Левашовъ передавалъ бумагу въ комитетъ, который ее «заслушивалъ». Слѣдующіе допросы велись въ засѣданіяхъ комитета или комиссіи. Комиссія разспрашивала привлеченнаго и изрѣдка заставляла его тутъ же записывать свои слова, но въ большинствѣ случаевъ допрошенный отпускался въ мѣсто своего заключенія и вечеромъ получалъ въ запечатанномъ пакетѣ вопросные листы. Отвѣты привлеченный тоже запечатывалъ и отправлялъ въ комитетъ, въ присутствіи котораго они читались. Эти приблизительныя свѣдѣнія о порядкѣ производства слѣдствія необходимы для выясненія ложности нѣкоторыхъ представленій.

Мы уже видѣли, что далеко не всѣ бумаги Грибоѣдова были взяты, но кое-что, какъ это видно изъ донесенія Ермолова, было отправлено вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ въ Петербургъ. Д. А. Смирновъ разсказываетъ, что Грибоѣдовъ умѣло «изъялъ изъ обращенія» пакетъ съ послѣдними бумагами, какія оставались до сихъ поръ не уничтоженными. Мы пересмотрѣли все производство комиссіи и нигдѣ слѣда не нашли какихъ-либо бумагъ Грибоѣдова: ни во входящихъ журналахъ, ни въ дѣлахъ по возвращенію отобранныхъ вещей и бумагъ.

Грибоѣдовъ 11 февраля былъ доставленъ въ Главный штабъ и 11-го — надо думать — былъ снятъ генераломъ Левашовымъ первый допросъ, потому что 15 февраля Грибоѣдовъ въ всеподданнѣйшемъ письмѣ могъ сказать: «я былъ притащенъ на перекладныхъ, здѣсь посаженъ подъ караулъ, потомъ позванъ къ генералу Левашову... отъ него отправленъ съ обѣщаніемъ скораго освобожденія. Между тѣмъ *дни проходятъ*, а я запертъ». О первомъ допросѣ сохранилась легенда. Д. А. Смирновъ со словъ Бѣгичева сообщаетъ: «Допрашивать его водили въ крѣпость. На первомъ же допросѣ Грибоѣдовъ началъ, письменно отвѣчая на данные ему вопросные пункты, распространяться о заговорѣ и заговорщикахъ: «я ихъ зналъ всѣхъ и проч.». Въ эту минуту къ его столу подошло одно очень вліятельное лицо и взглянуло на бумагу. «Александръ Сергѣевичъ! Что вы пишете!» сказалъ подошедшій. «Пишите: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю». Грибоѣдовъ такъ и сдѣлалъ, да еще написалъ отвѣтъ довольно рѣзкій: «За что меня взяли—не понимаю; у меня старуха-мать, которую это убьетъ» и проч. Д. И. Завалишинъ отвергаетъ правдивость этого разсказа и, соглашаясь, что первымъ побужденіемъ Грибоѣдова было признать свои отношенія къ декабристамъ, утверждаетъ, что не начальствующее лицо, а арестованный полковникъ Любимовъ подалъ мысль объ измѣненіи показанія въ совершенно противоположномъ смыслѣ. «Когда Грибоѣдову принесли вопросные пункты, а онъ сталъ писать черновой на нихъ отвѣтъ»—говоритъ Д. И. Завалишинъ, —«то Любимовъ,

подойдя къ нему, сказалъ: «я знаю изъ всѣхъ нашихъ здѣшнихъ разговоровъ, что дѣйствія относительно комитета предполагаются различныя, смотря по разнымъ у каждаго соображеніямъ, и личнымъ, и политическимъ. Не знаю, какой системы намѣрены держаться вы, но умъ хорошо, а два лучше. Не по любопытству, а для вашей же пользы я желалъ бы знать, на какой системѣ вы остановились? Помните, что первыя показанія особенно важны... Въ отвѣтъ на это Грибоѣдовъ прочиталъ ему то, что успѣлъ уже написать. Прослушавъ написанное, Любимовъ съ живостію сказалъ ему: «что вы это! Вы такъ запутаете и себя и другихъ. По нашему, по военному, не слѣдуетъ сдаваться при первой же аттакѣ, которая окажется еще и фальшивою; да если и поведутъ настоящую аттаку, то все-таки надо уступать только то, что удержать уже никакъ нельзя. Поэтому и тутъ гораздо вѣрнѣе обычный русскій отвѣтъ: «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!» и т. д. Д. И. Завалишинъ влагаетъ въ уста Любимову такую рѣчь, которая уже своею пространностью внушаетъ сомнѣнія въ ея подлинности.

При провѣркѣ оба разсказа — и Д. А. Смирнова, и Д. И. Завалишина — оказываются одинаково не соотвѣтствующими истинѣ. На первомъ же допросѣ 11-го февраля Грибоѣдовъ отозвался полнѣйшимъ невѣдѣніемъ о существованіи общества и призналъ чисто литературныя знакомства съ Бестужевымъ, Рылѣевымъ и Оболенскимъ. Эти первыя показанія, которыя даже не были написаны имъ собственноручно, а только подписаны, были даны въ обстановкѣ, не допускавшей посредничества не только Любимова, но и важнаго лица. Генералъ Левашовъ спрашивалъ Грибоѣдова, онъ отвѣчалъ, а писарь записывалъ. Если Завалишинъ говоритъ о вопросныхъ пунктахъ, присланныхъ Грибоѣдову отъ комитета 24-го февраля вечеромъ, то нѣтъ никакихъ основаній предположить, что Грибоѣдовъ рѣшилъ измѣнить свои показанія, признать свою освѣдомленность и свои отношенія. А только при такомъ предположеніи и допустимо вмѣшательство комитета. Это же соображеніе сохраняетъ свое значеніе и при оцѣнкѣ правдивости разсказа Д. А. Смирнова. Но, въ общемъ, этотъ разсказъ отразилъ дѣйствительность правдивѣе, чѣмъ сообщенія Завалишина, и сохранилъ память о дѣйствительномъ фактѣ если не сочувственнаго, то во всякомъ случаѣ совершенно не враждебнаго Грибоѣдову отношенія членовъ комитета. Быть можетъ, тутъ сыгралъ нѣкоторую роль и родственникъ Грибоѣдова Паскевичъ.

Планъ защиты, въ составленіи котораго совершенно излишнее допускать постороннюю инициативу, чрезвычайно характеренъ для Грибоѣдова. Грибоѣдовъ — умнѣйшій человѣкъ — взвѣшивалъ каждое свое слово и проектировалъ то впечатлѣніе, которое оно должно было произвести на слушателей. Наивно было бы думать, что онъ

сколько-нибудь искренен. Но онъ держалъ себя хладнокровно и нисколько не растерялся: недаромъ онъ выразился въ секретной записочкѣ Булгарину: «бояться людей, значитъ баловать ихъ». Онъ очень умѣло пошелъ по среднему пути между утвержденіемъ и отрицаніемъ: не отрицая своего вольнодумства, онъ настаивалъ на своемъ невѣдѣніи о существованіи и цѣляхъ общества. 15-го февраля Грибоѣдовъ написалъ письмо къ Государю. Многіе изъ декабристовъ обращались къ Николаю Павловичу съ письмами: нѣкоторыя изъ нихъ были порывами искренняго раскаянія, какъ, напр., вышеприведенное письмо Оболенскаго; другія — воплемъ наболѣвшаго сердца о той общественной неправдѣ, которая была неизвѣстна Государю. Письмо Грибоѣдова — ни то, ни другое. Оно въ нѣкоторомъ родѣ результатъ художественнаго творчества. Писано оно съ расчетомъ произвести опредѣленное впечатлѣніе на Государя; центральное мѣсто письма — воззваніе къ сыновней любви Государя. Грибоѣдовъ, дѣйствительно, очень любилъ свою мать и былъ послушнымъ сыномъ, который не огорчаетъ своей матери, но когда онъ писалъ о томъ, что мать не знаетъ объ его арестѣ, онъ говорилъ неправду. Его близкій другъ Бѣгичевъ, съ которымъ онъ видѣлся въ Москвѣ на пути въ Петербургъ, на третій же день послѣ его отъѣзда отправился къ матери Грибоѣдова: «та съ обыкновенной своей заносчивостью съ первыхъ же словъ начала ругать сына, на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ и пр. пр.». Ужъ Бѣгичеву-то Грибоѣдовъ долженъ былъ посовѣтовать скрывать отъ матери его арестъ. Кромѣ разсчитанной неискренности, въ этомъ письмѣ необходимо отмѣтить ярко выраженное сознаніе собственнаго достоинства; это сознаніе — неотдѣлимая черта личности Грибоѣдова — не покидало его въ теченіе всей его жизни, ни въ 1826 году, ни въ Персіи, въ моментъ его трагической кончины.

Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвело на Николая Павловича письмо Грибоѣдова, но во всякомъ случаѣ оно его не растрогало. Въ комиссію оно было передано 19-го февраля и внесено во входящій журналъ подъ № 662. Помѣта объ исполненіи: «передано къ допросамъ»[15].

Грибоѣдовъ ждалъ результата своего письма: чувство нетерпѣнія росло съ каждымъ днемъ. 17-го февраля онъ писалъ Булгарину: «Меня здѣсь заперли, и я погибаю отъ скуки и невинности... Я писалъ Государю... ничего не отвѣчаетъ». Въ слѣдующей запискѣ Грибоѣдовъ сообщаетъ, что онъ сидитъ и проклинаетъ своихъ гонителей. Но никакого утѣшенія по своему дѣлу Грибоѣдовъ не видѣлъ: его какъ будто забыли, и онъ начиналъ-таки сомнѣваться въ исходѣ

[15] Г. А. I В № 27.

дѣла. У него вырвались въ запискѣ къ Булгарину слѣдующія слова: «кажется, что мнѣ воли еще долго не видать, и вѣроятно буду отправленъ съ фельдъегеремъ».

Но комитетъ не бездѣйствовалъ: 14-го и 19-го февраля онъ отбиралъ показанія о Грибоѣдовѣ отъ тѣхъ лицъ, знакомство съ которыми онъ призналъ на допросѣ у генерала Левашова. Кн. Одоевскій, А. Бестужевъ, Рылѣевъ рѣшительно отвергали принадлежность Грибоѣдова къ тайному обществу. Они не отрицали того, что Грибоѣдовъ человѣкъ свободомыслящій, который не прочь разсуждать о перемѣнѣ правленія въ Россіи. Бестужевъ пояснялъ, что Грибоѣдовъ желалъ этого для свободы книгопечатанія въ Россіи и для русскаго платья. Допрошенные 19-го февраля декабристы, которые могли бы дать свѣдѣнія о прикосновенности Грибоѣдова къ Южному обществу, тоже рѣшительно отрицали его участіе.

Соотвѣтствовали ли дѣйствительности эти утвержденія? Весьма правдоподобны слова Завалишина: «въ стараніи товарищей не компрометировать Грибоѣдова не было также ничего особеннаго, исключительнаго. Это было лишь слѣдствіемъ напередъ условленнаго, общепринятаго правила стараться не запутывать никого, кто не былъ еще запутанъ». А Д. А. Смирновъ сохранилъ въ памяти слѣдующее объясненіе: «главные изъ заговорщиковъ,—фактъ въ высшей степени замѣчательный,—уже сидѣвшіе по разнымъ угламъ, стало быть, не имѣвшіе никакой возможности сговариваться, сказали одинаково, что Грибоѣдовъ въ заговорѣ не участвовалъ, и что они не старались и привлекать его къ заговору, который всего скорѣй могъ имѣть очень дурной исходъ, потому что берегли человѣка, который своимъ талантомъ могъ прославить Россію».

Обстоятельства складывались весьма благопріятно для Грибоѣдова, и наконецъ 24-го февраля онъ былъ вызванъ въ комитетъ и давалъ предъ нимъ устныя показанія [16]. Вечеромъ ему были присланы вопросные пункты, и вечеромъ же Грибоѣдовъ написалъ свои отвѣты, опять очень обдуманные и тонко разсчитанные На нихъ слѣдуетъ остановиться, потому что въ нихъ есть черточка его личности. Онъ давалъ справедливую, согласную съ нашими свѣдѣніями, оцѣнку своей личности, когда говорилъ, что при всемъ своемъ свободомысліи онъ далекъ отъ образа дѣйствій 14-го декабря, что онъ не ораторъ возмущенія. Тонкой ироніей, отъ которой Грибоѣдовъ не могъ избавиться даже и въ офиціальныхъ сношеніяхъ, звучатъ строки его отвѣта: «я же не только не способенъ быть ораторомъ возмущенія, много если предаюсь избытку искренности въ тѣсномъ кругу людей кроткихъ и благомыслящихъ, терпѣливо ожидая времени, когда моя

[16] Г. А. I В № 26 л. 224 и 226.

служба или имя писателя обратятъ на меня вниманіе Вышняго Правительства!»

Грибоѣдовъ былъ глубоко вѣренъ себѣ, когда давалъ объясненія о русскомъ платьѣ. Любопытно, что комиссія заинтересовалась свидѣтельствомъ Бестужева о пристрастіи Грибоѣдова къ русскому платью и увидѣла въ этомъ что-то подозрительное. А Грибоѣдовъ отвѣчалъ очень просто: «русскаго платья желалъ я, потому что оно красивѣе и покойнѣе фраковъ и мундировъ, и вмѣстѣ съ этимъ полагалъ, что оно бы снова сблизило насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ». Это показаніе передъ тайнымъ комитетомъ невольно вызываетъ въ памяти извѣстный монологъ Чацкаго въ гостиной Фамусова. Чацкій жалуется на пристрастіе къ иностранной одеждѣ:

И чѣмъ нашъ сѣверъ лучше сталъ,
Что все завѣтное наслѣдье промѣнялъ?
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую —
По шутовскому образцу,
Хвостъ сзади; спереди какой-то чудный выемъ! и т. д.

А черезъ нѣсколько стиховъ Чацкій восклицаетъ:

Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ?
Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ![17]

Эта фраза показанія еще разъ иллюстрируетъ архаическое своеобразіе міросозерцанія Грибоѣдова. Правда, отсюда еще далеко до обобщающаго положенія о Грибоѣдовѣ — славянофилѣ. Любовь къ русскому платью, конечно, характерна, но не менѣе характерно и его желаніе государственныхъ преобразованій для свободы книгопечатанія, о которомъ говорилъ на допросѣ Рылѣевъ.

Какъ понимать отвѣтъ Грибоѣдова на вопросъ: съ какою цѣлью онъ желалъ свободы книгопечатанія въ Россіи? Врядъ ли онъ былъ искренен, когда въ своемъ отвѣтѣ вносилъ поправку въ показанія Бестужева: «я говорилъ не о безусловной свободѣ книгопечатанія, желалъ только чтобы оно не стѣснялось своенравіемъ иныхъ цензоровъ». Мы склонны заподозрѣть искренность этого показанія Грибоѣдова по весьма простой причинѣ: именно онъ, больше, чѣмъ кто-либо другой, могъ видѣть, что дѣло все-таки не въ своенравіи цензоровъ, а въ институтѣ цензуры. «Горе отъ ума» не видѣло долгое время печати не изъ-за своенравія отдѣльныхъ цензоровъ, а по

17 Рукопись комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума» М. 1903. Стр. 93. Рукопись очень удачно возстановляетъ вмѣсто читавшагося до сихъ поръ «добрый» — бодрый.

соображеніямъ общимъ, лежащимъ въ основѣ цензурнаго института. А какъ остро чувствовалъ Грибоѣдовъ пораженія, наносимыя ему цензурой, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующей записки, найденной проф. И. А. Шляпкинымъ въ Берлинѣ: «Напрасно, братъ, все напрасно. Я что пріѣхалъ отъ Фока, то съ помощію негодованія своего и Одоевскаго, изорвалъ въ клочки не только эту статью но даже всякій писанный листокъ моей руки, который подъ рукою случился... Коли цензура ваша не пропуститъ ничего порядочнаго изъ моей комедіи, нельзя ли вовсе не печатать?—или пусть скажетъ на сомнительныя мѣста, я бы какъ-нибудь поддѣлался къ общепринятой глупости, урѣзалъ бы»[18]...

До сихъ поръ мы останавливались на теоретической сторонѣ показанія Грибоѣдова; перейдемъ къ разбору его фактическаго матеріала.

Итакъ, всѣ показанія участниковъ заговора о принадлежности Грибоѣдова къ ихъ союзу были очень благопріятны для него, за исключеніемъ отвѣта кн. Оболенскаго. Если бы комитетъ оцѣнилъ безграничную искренность показанія кн. Оболенскаго, онъ придалъ бы болѣе вѣры его свидѣтельству о принадлежности Грибоѣдова къ обществу. Кн. Оболенскій въ письмѣ къ Государю утверждалъ, что Грибоѣдовъ былъ принятъ въ члены общества мѣсяца за два или са три до 14-го декабря и вскорѣ потомъ уѣхалъ. Грибоѣдовъ же совершенно отрицалъ это свидѣтельство и высказывалъ предположеніе, не основано ли оно на томъ, что за три дня до своего отъѣзда онъ былъ выбранъ членомъ Общества любителей россійской словесности, какъ будто кн. Оболенскій могъ смѣшать тайное общество съ литературнымъ. Комитетъ переспросилъ кн. Оболенскаго: на этотъ разъ онъ объяснилъ, что о принятіи Грибоѣдова онъ слышалъ отъ Рылѣева, но времени въ точности не помнитъ: за мѣсяцъ или за два до отъѣзда Грибоѣдова отсюда.

Мы навели справку въ бумагахъ Общества любителей россійской словесности, хранящихся въ Академіи Наукъ, и нашли слѣдующія данныя объ избраніи Грибоѣдова въ члены этого общества. Онъ былъ предложенъ въ члены этого общества Д. М. Княжевичемъ 8-го декабря 1824 года и подвергся баллотировкѣ въ засѣданіи 15-го декабря. Въ этомъ засѣданіи присутствовали предсѣдатель общества Ѳ. Н. Глинка, секретарь А. А. Никитинъ, секретарь цензурнаго комитета П. А. Плетневъ, библіотекарь И. К. Аничковъ, казначей И. Д. Горяиновъ, члены цензурнаго комитета —Н. А. Бестужевъ, Н. Г. Чеславскій и дѣйствительные члены А. М. и В. М. Княжевичи и С. С. Шаплетъ. Вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ баллотировались между

[18] «Вѣстникъ Всемірной Исторіи», 1900. № 6, стр. 88.

прочимъ Мих. А. Дмитріевъ, Н. М. Языковъ, И. И. Козловъ, Д. М. Перевощиковъ, Н. М. Княжевичъ, К. П. Торсонъ и др. Грибоѣдовъ былъ избранъ единогласно въ дѣйствительные члены. Объ избраніи было оповѣщено въ XXIX книгѣ «Трудовъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности», въ отчетѣ о годичномъ собраніи этого общества 29-го декабря 1824 года[19]. Время отъѣзда Грибоѣдова изъ С.-Петербурга опредѣляется датами двухъ его писемъ къ С. Н. Бѣгичеву: одно — изъ С.-Петербурга отъ 18-го мая 1825 года, другое — изъ Кіева отъ 4-го іюня 1825-го же года. Слѣдовательно Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга во второй половинѣ мая.

Сопоставимъ эти данныя съ показаніями кн. Оболенскаго. Онъ ошибался въ первомъ своемъ отвѣтѣ, утверждая, что Грибоѣдовъ былъ принятъ мѣсяца за два или за три до 14-го декабря; во второмъ онъ могъ быть правъ, говоря, что Грибоѣдовъ былъ принятъ за мѣсяцъ или за два до его отъѣзда. Со стороны Оболенскаго эти неточности объясняются, конечно, невольнымъ запамятованіемъ, но Грибоѣдовъ, очевидно, полагаясь на то, что его словъ провѣрять не станутъ, сказалъ совершенную неправду о томъ, что онъ былъ принятъ въ члены литературнаго общества дня за два или за три до своего отъѣзда: мы уже видѣли, что онъ былъ принятъ въ члены Общества любителей россійской словесности 15-го декабря 1824 года, и уѣхалъ во второй половинѣ мая 1825 года. Забывчивостью Грибоѣдова никакъ нельзя объяснить этого разнорѣчія. Намъ кажется, можно объяснить противорѣчія показаній кн. Оболенскаго и Грибоѣдова, только предположивъ, что Грибоѣдовъ былъ дѣйствительно принятъ въ члены тайнаго общества за нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Петербурга. Его участіе въ обществѣ, вѣроятнѣе всего, было чисто номинальнымъ. Быть можетъ, при отъѣздѣ ему дали нѣкоторыя порученія въ Кіевъ, къ членамъ Южнаго общества.

Въ отвѣтахъ Грибоѣдова на вопросы о цѣли его пребыванія въ Кіевѣ тоже видно стремленіе свести значеніе поѣздки въ Кіевъ до минимума. На самомъ дѣлѣ, пребываніе Грибоѣдова вовсе не было «самымъ непродолжительнымъ». Пріѣхалъ онъ сюда въ самомъ концѣ мая и 10-го іюня былъ еще въ Кіевѣ; отъ этого числа онъ писалъ Одоевскому: «меня приглашаютъ неотступно въ Бердичевъ на ярмарку... Въ Любарѣ семейство Муравьевыхъ устраиваетъ самый пріятный пріемъ; боюсь сдаться на ихъ вѣру, не скоро вернешься». Можно думать, что знакомство съ Муравьевыми вовсе не было столь

19 Ч. XXIX, 1825; стр. 211. Книга эта дозволена цензурой 1-го января 1825 года. Грибоѣдовъ названъ ошибочно надворнымъ совѣтникомъ, тогда какъ въ это время онъ былъ лишь коллежскій ассессоръ (съ 17-го янв. 1822 года); въ надворные же совѣтники былъ произведенъ указомъ отъ 8-го іюня 1826 г. См. «Русск. Обозр.» 1895, № 3, стр. 392, 393

незначительнымъ и мимолетнымъ эпизодомъ, какимъ хотѣлъ выставить его Грибоѣдовъ.

Какъ бы тамъ ни было, члены комитета, прочитавшіе 25-го февраля отвѣты Грибоѣдова на вопросные пункты, остались совершенно удовлетворенными. У нихъ не было никакого сомнѣнія въ непринадлежности Грибоѣдова къ заговору. Даже скользкое показаніе объ избраніи его въ члены вольнаго Общества любителей россійской словесности осталось не провѣреннымъ, хотя это и не трудно было бы сдѣлать, такъ какъ производителемъ дѣлъ въ комиссіи былъ нѣкто Ивановскій, позднѣе сподручный Бенкендорфа, который самъ былъ членомъ этого общества. Въ журналѣ LXX засѣданія комиссіи читаемъ: «*Слушали:* ...4) Коллежскаго Асессора Грибоѣдова, не принадлежалъ къ обществу и существованія онаго не зналъ.—Показаніе о немъ сдѣлано Кн. Евгеніемъ Оболенскимъ I со словъ Рылѣева. Рылѣевъ же отвѣчалъ, что имѣлъ намѣреніе принять Грибоѣдова, но не видя его наклоннымъ ко вступленію въ общество, оставили свое намѣреніе; всѣ прочіе его членомъ не почитаютъ. *Положили:* объ освобожденіи Грибоѣдова съ аттестатомъ представить Его Императорскому Величеству»[20].

Журналъ засѣданія былъ представленъ Николаю Павловичу, но онъ не согласился съ представленіемъ комитета. На этомъ журналѣ рукою начальника штаба написано карандашомъ «*высочайше повелѣно Грибоѣдова содержать пока у дежурнаго генерала*»[21]. Чѣмъ объяснить такое отношеніе Императора Николая? Не лишнее отмѣтить, что Николаю Павловичу Грибоѣдовъ былъ лично извѣстенъ. Грибоѣдовъ встрѣтился съ нимъ у Паскевича. Объ этой встрѣчѣ онъ писалъ Бѣгичеву 10-го іюня 1824 года[22]. Весьма вѣроятно, что въ глазахъ Николая Павловича больше всего компрометировала Грибоѣдова его близость къ Ермолову, къ которому Государь относился въ высшей степени подозрительно. Эта неожиданная резолюція была выслушана комитетомъ въ засѣданіи 7-го марта[23]. Можно себѣ представить, какъ она смутила членовъ комитета и заставила ихъ думать, что Государю извѣстны скрытыя отъ нихъ вины Грибоѣдова. Резолюція нѣсколько отразилась на положеніи Грибоѣдова. Очевидно, къ этому времени относится его записка къ Булгарину: «Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Караулъ приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я Комитетомъ оправданъ начисто, какъ стекло. Ивановскій, благороднѣйшій человѣкъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому, и всякому гласно,

20. Г. А. I В № 26 л. 228 об.
21. Г. А. I В № 25 л. 180.
22. Сочиненія Грибоѣдова. Редакція И. А. Шляпкина, т. I, стр. 185.
23. Г. А. I В. № 26 л. 239.

что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ обхожденіе со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совсѣмъ не то, которое имѣютъ съ подсудимыми. Казалось, все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ вольнаго Общества Любителей Словесности и много во мнѣ принималъ участіе. Разскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слечь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусъ, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свѣдѣнія Ж, а тотъ перескажетъ А, а А найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale»[24].

V.

Итакъ, Императоръ Николай Павловичъ оставилъ Грибоѣдова въ подозрѣніи. И наше предположеніе о томъ, что Николаю Павловичу Грибоѣдовъ казался подозрительнымъ въ силу своей близости къ Ермолову, подкрѣпляется характеромъ вопросовъ, предложенныхъ Грибоѣдову 15-го марта.

Извѣстно, что Ермоловъ очень не нравился Николаю Павловичу и даже внушалъ въ немъ серьезныя опасенія. Донесенія агентовъ тайной полиціи могли только усиливать подозрѣніе императора. Въ январѣ 1826 года одинъ изъ агентовъ доносилъ: «всѣ питаются надеждой, что Ермоловъ съ корпусомъ не приметъ присяги». Другой сообщалъ: «слухъ носился, что корпусъ подъ начальствомъ Ермолова не присягалъ, какъ равно и вся Грузія — болѣе,—что будто самъ Ермоловъ объявилъ себя независимымъ: сіи разсказы основываются на томъ, что якобы курьеры и фельдъегеря, посланные навстрѣчу къ нему, всѣ имъ задержаны, и что якобы ни одинъ оттуда назадъ не возвратился»[25].

Уже 12-го декабря 1825 года, въ самый день своего воцаренія Николай Павловичъ писалъ Дибичу, что онъ не будетъ спокоенъ, пока не получитъ извѣстій о присягѣ Ермолова и его корпуса. «Я виноватъ» — писалъ государь — «ему менѣе всѣхъ вѣрю»[26]. Понятно, лишь только началось разслѣдованіе заговора 14-го декабря, тревожной заботой Николая Павловича и слѣдователей явилось желаніе выяснить размѣры тайнаго движенія въ корпусѣ Ермолова и его прикосновенность къ этому движенію. Матеріалъ для разслѣдованія дали показанія кн. Волконскаго; со словъ А. И. Якубовича, онъ утверждалъ, что въ Грузіи въ корпусѣ Ермолова существуетъ тайное

[24] Сочиненія Грибоѣдова. Редакція И. А. Шляпкина. Т. I, стр. 216, 217. Весьма вѣроятно, что Ж означаетъ Жандра, а А—кн. А. И. Одоевскаго.

[25] Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 595, а.

[26] Исторія отношеній Николая I къ Ермолову изложена, между прочимъ, въ книгѣ Н. К. Шильдера. Николай I, жизнь и царствованіе. Спб. 1903, т. II.

общество, что Ермоловъ во главѣ его[27]. Въ своихъ запискахъ Волконскій разсказываетъ, какъ онъ сошелся съ Якубовичемъ.

«На Кавказѣ» — пишетъ онъ — «я встрѣтился съ Якубовичемъ... При первомъ знакомствѣ съ нимъ я убѣдился, что опала, надъ нимъ разразившаяся, явныя, нескрываемыя прогрессивныя убѣжденія его и при томъ заслуженное общее мнѣніе сослуживцевъ о немъ, какъ объ отличномъ боевомъ лицѣ, угнетенномъ опалой, — все это могло быть мнѣ ручательствомъ, что я встрѣчу въ немъ сочувствіе къ общему затѣянному дѣлу того общества, въ которомъ я былъ членомъ, и я рѣшился узнать отъ него, точно ли есть тайное общество на Кавказѣ и какая его цѣль? Постепенно ведя съ нимъ переговоры интимные, судя по его словамъ, я получилъ если не убѣжденіе, то довольно ясное предположеніе, что существуетъ на Кавказѣ тайное общество, имѣющее цѣлью произвести переворотъ политическій въ Россіи, и даже нѣкоторыя предположительныя данныя, что во главѣ онаго самъ А. П. Ермоловъ, и что участвуютъ въ ономъ большею частію лица, приближенныя къ его штабу. Это меня ободрило къ большей откровенности, и я уже безъ околичностей открылъ Якубовичу о существованіи нашего тайнаго общества и предложилъ ему, чтобы кавказское общество соединилось съ Южнымъ всѣмъ его составомъ. На это Якубовичъ мнѣ отвѣчалъ: «Дѣйствуйте, и мы тоже будемъ дѣйствовать, но каждое общество порознь, а когда придетъ пора приступить къ явному взрыву, мы тогда соединимся. Въ случаѣ неудачи вашей, мы будемъ въ сторонѣ, и тѣмъ будетъ еще зерно, могущее возродить новую попытку. У насъ на Кавказѣ и болѣе силы, а во главѣ человѣкъ даровитый, извѣстный всей Россіи, а при неудачѣ общей, здѣсь край и по мѣстности отдѣльный, способный къ самостоятельности. Около васъ сила, вамъ, вѣроятно, не сручная, а здѣсь все наше по преданности общей къ Ермолову»[28].

Кн. Волконскій повѣрилъ словамъ Якубовича и въ отчетѣ своемъ Верховной думѣ разсказалъ о кавказскомъ обществѣ. То же онъ разсказалъ и передъ комитетомъ. Комитетъ произвелъ спеціальное разслѣдованіе объ обществѣ при кавказскомъ корпусѣ[29]. Это разслѣдованіе обнаружило, что тайное общество существовало только въ головѣ пылкаго А. И. Якубовича. Конечно, прежде всего комитетъ запросилъ его. Онъ отвѣчалъ 6 января слѣдующее: «Князь Сергѣй Волхонской въ бытность свою на водахъ познакомился со мной, предлагалъ быть въ обществѣ, и хотѣлъ знать есть ли въ Грузіи та-

[27] Г. А. I В № 6.

[28] Записки С. Г. Волконскаго Спб. 1901, стр. 415.

[29] «Дѣло о существованіи тайнаго общества въ отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ. Г. А. I 13 № 6.

ковое же? Ибо видѣлъ общее уваженіе ко мнѣ войскъ, и довѣренность начальства; я желалъ знать подробности, и скѣмъ буду имѣть дѣло, и въ чемъ будутъ состоять намѣренія; для сего, чтобы вывѣдать, лгалъ князю; но я не принадлежу къ обществу, и не знаю есть ли оно въ Грузіи. Радъ, что Высокой Тайный Комитетъ знаетъ о существованіи такового въ Грузіи, ибо открывъ членовъ увидятъ мою невинность.—Но я смѣялся надъ княземъ Сергѣемъ Волхонскимъ, съ которымъ даже по его предложенію и въ сношенія по предмету общества не хотѣлъ входить, ибо не довѣрялъ, чтобы онъ могъ принадлежать къ благонамѣреннымъ замышляющимъ улучшить судьбу отечества.—Но не отрекусь, я бредилъ вздоръ который давно изтребился изъ моей памяти, и сіи запросы только что возобновили оные. Клятвенно и честію обязуюсь, подвергая себя возможнѣйшимъ истязаніямъ что я не знаю о существованіи какого-либо общества въ Грузіи...» [30].

Дальше были допрошены Пущинъ, кн. Оболенскій, капитанъ Муравьевъ, Рылѣевъ, кн. Трубецкой. Всѣ они отозвались полнымъ невѣдѣніемъ о существованіи общества на Кавказѣ. Кн. Трубецкой, между прочимъ, показывалъ: «Я спрашивалъ Рылѣева, принадлежитъ ли Якубовичъ къ какому обществу, и есть ли какое общество въ корпусѣ генерала Ермолова? Рылѣевъ отвѣчалъ мнѣ, что Якубовичъ сего не открываетъ. Прибавилъ только что у нихъ было намѣреніе уйти куда-то и сдѣлать сѣчу (подобно бывшимъ Запорожскимъ), но у кого *у нихъ*, и кто они? и сколько ихъ? Рылѣевъ отозвался совершеннымъ незнаніемъ...» [31].

Казалось, эти данныя, полученныя въ первой половинѣ января 1826 года, должны были бы убѣдить комитетъ, что никакого общества нѣтъ, но 15 марта Грибоѣдовъ призывался въ комитетъ, и вопросы, предложенные ему здѣсь, позволяютъ сдѣлать заключеніе, что члены комитета все еще тревожились за Грузію. Правда, новый поводъ къ тревогамъ подало дѣло Сухачева, о которомъ Грибоѣдову предложили цѣлый рядъ вопросовъ. Дѣло Сухачева совершенно неизвѣстно въ нашей литературѣ, а такъ какъ оно представляетъ интересъ, и бытовой и общественный, то мы позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе [32].

Во время путешествія Александра Павловича по югу Россіи въ Ростовѣ появился нѣкій Василій Сухачевъ, служившій въ Грузіи по гражданской части. Образъ его жизни въ Ростовѣ показался тамошнему городничему весьма подозрительнымъ: Сухачевъ велъ жизнь самую уединенную, никого къ себѣ не принималъ, занимался пись-

30 Г. А. I В № 6, л. 2 об.
31 Г. А. I В № 6, л. 12.
32 «Дѣло о Сухачевѣ» Г. А. I В № 155.

момъ и чтеніемъ и имѣлъ библіотеку изъ 600 томовъ. Этихъ данныхъ оказалось достаточно для того, чтобы арестовать Сухачева и отправить его къ таганрогскому градоначальнику Дунаеву. Дунаевъ разыскалъ въ вещахъ и бумагахъ Сухачева кинжалъ, пару пистолетовъ, ружье, саблю, злодѣйское клятвенное обѣщаніе, алфавитъ для тайной переписки, полученный имъ изъ Одессы, и нѣсколько писемъ, писанныхъ шифромъ. Таганрогскій градоначальникъ учинилъ Сухачеву допросъ. Приводимъ списокъ подлиннаго акта допроса.

«1826 года Марта 1-го дня увольненный изъ Бендерскаго малороссійскаго общества Василій Сухачевъ, доставленный къ его превосходительству господину таганрогскому градоначальнику отъ ростовскаго городничаго, о жизни и бумагахъ сомнѣнію подвергающихся, по роду своему заключающихъ приверженность къ тайному обществу—таганрогскою градскою полиціею при бытности члена гражданскаго допрашиванъ и показалъ.

Отъ роду мнѣ 28 лѣтъ, исповѣданія греко-россійскаго, родился я Екатеринославской губерніи, въ городѣ Новомосковскѣ отъ отца, тогда бывшаго тамошнимъ купцомъ, Ивана, а матери Ирины Сухачевыхъ, коими въ 1809 или прежде того за годъ,—настояще не припомню—вывезенъ съ другимъ моимъ меньшимъ братомъ Матвѣемъ въ Кишиневѣ, должно быть, нынѣ находящимся, въ Бессарабію, гдѣ въ сословіи бендерскаго малороссійскаго общества мы всѣ состояли, изъ коего въ концѣ 1823 года я и братъ мой увольнены обществомъ для поступленія въ статскую службу и получили увольнительное свидѣтельство. По документу сему, въ копіи у меня имѣющемуся и въ Ростовѣ отобранному, засвидѣтельствованному въ верховномъ грузинскомъ правительствѣ по исполнительной экспедиціи, куда прибылъ я въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1824 года и изъ котораго подлинный таковой отосланъ въ Правительствующій Сенатъ съ испрошеніемъ опредѣленія меня на службу, каковою я тамъ приватно по опредѣленію экспедиціи и занимался, когда наконецъ, въ послѣдствіи времени, я видѣлъ изъ письма пріятеля моего чиновника Котова, прежде служившаго въ Одесской таможнѣ, а нынѣ въ С.-Петербургѣ въ департаментѣ внѣшней торговли, что надежда моя по предмету сему есть тщетная, то въ 4 день Сентября 1825 года отъ занятія того уволненъ, и съ документомъ, отъ правительства полученнымъ, отправился тогда же въ Россію съ тѣмъ, чтобы доѣхать до Одессы, гдѣ до отъѣзда въ Грузію проживалъ семь лѣтъ, и тамъ употребить себя по прежнему въ дѣла коммерческія; въ семъ намѣреніи достигъ въ Новочеркасскъ 5-го Ноября и тутъ проживалъ въ домѣ казака Колесникова вмѣстѣ съ знакомымъ мнѣ издавна одесскимъ купеческимъ сыномъ Александромъ Протасовымъ, въ должности приказчика по торговлѣ у тамошняго казака Алексѣя Мандрыкина находящимся, а

4 Декабря прибылъ въ Ростовъ собственно для того, чтобы распродать библіотеку, которая заключается въ шести стахъ съ небольшимъ книгахъ, разныхъ лучшихъ сочинителей, и выруча за оную деньги, слѣдовать на оные до Одессы; но какъ при прожитіи въ Ростовѣ продать книгъ я не могъ и издержался до крайности, то позаимствовалъ у вышесказаннаго Протасова сто рублей, для чего, предъ взятьемъ нынѣ меня ростовскимъ городничимъ, ѣздилъ оттоль въ Новочеркасскъ и за возвратомъ въ Ростовъ взятъ подъ присмотръ и отправленъ въ Таганрогъ, при взятіи каковомъ отобраны у меня документы и бумаги. Сіи послѣднія заключаются: 1-е — въ клятвѣ, которая извлечена мною по точнымъ словамъ изъ книги театра сочинителя Августа фонъ-Коцебу, для одного любопытства, да кремарка о добродѣтели извлечена оттоль безъ всякаго злого умысла; 2, рамарка на двухъ листахъ о страданіи человѣчества написана изъ бумагъ, но какихъ, не помню; она извлечена для соображеній, на случай встрѣтиться могущихъ при перепискѣ съ пріятелями. 3, рамарки особыхъ изложеній, состоящія на листахъ подъ № 16 и 17, заключаютъ въ себѣ описаніе предковъ, отъ коихъ я происхожу; они написаны отъ праздности и остались въ черновыхъ бумагахъ, 4-е, письмо, писанное мною къ коллежскому секретарю Григорію Степановичу Радулову, служащему верховнаго грузинскаго правительства по исполнительной экспедиціи въ должности секретаря, который есть мнѣ искренній другъ и съ которымъ дружество тѣсное веду я до отъѣзда его изъ Одессы въ Грузію: то есть съ 1822 года; составлено изъ литеръ греческихъ, еврейскихъ, арабскихъ, турецкихъ, китайскихъ, латинскихъ, русскихъ и другихъ, выдуманныхъ мною, сказаннымъ другомъ моимъ Радуловымъ и третьимъ нашимъ другомъ же Михайломъ Константиновичемъ Арестовымъ, увольненнымъ изъ одесскаго купеческаго общества и прибывшимъ изъ Одессы въ Грузію вмѣстѣ со мною: въ немъ заключающіяся слова какъ то, *что началась уже общая наша независимая переписка,* относилась къ признательности моей къ нему за скорый успѣхъ въ познаніи сего новаго, нами составленнаго іероглифа, а совѣтовалъ я ему, чтобы *не жалѣлъ водки, вина и угольевъ подогрѣвать самоваръ для насыщенія лакомой утробы подъячихъ,* по резону тому, что онъ жаловался мнѣ письмомъ, которое должно быть въ другихъ моихъ или его бумагахъ, на притѣсненія, ему дѣлаемыя въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ проволочкою совершеніемъ по довѣрію крѣпостного акта на домъ одесскаго купца Катле. 5-е: въ письмѣ другомъ, писанномъ къ тому же Радулову 24 мая 1822 года тогда, когда онъ находился еще въ Херсонѣ, я выразилъ по вновь составленному іероглифу, что о свидѣтельствѣ надобно, чтобы оно было взято не отъ одного засѣдателя, а отъ всего суда; обстоятельство сіе изобрѣтенными нами литерами

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

написано собственно съ одной глупости и шалости, о документѣ же названномъ свидѣтельствомъ, о которомъ писалъ я ему, онъ долженъ былъ по личнымъ нашимъ совѣтамъ вспросить членовъ тирасполь-скаго земскаго суда, въ который я имѣлъ намѣреніе поступить на службу, располагая о таковой, если бы тогда удалось быть опредѣ-лену получить сей документъ. 6-е: нѣкоторыя извлеченія изъ опы-товъ нравственности Шатобріана и другихъ писателей вчернѣ на 6 листахъ имѣлись у меня для одного любопытства; 7-е: письмо, пи-санное мною на пяти листахъ къ служащему въ канцеляріи его сія-тельства господина новороссійскаго генералъ-губернатора графа Во-ронцова, неизвѣстнаго мнѣ чина, Михайлѣ Николаевичу Леонтьеву, коего я письмомъ симъ уговаривалъ о невпаденіи въ заблужденіе православной религіи; съ чиновникомъ симъ знакомъ я съ 1823 года, то есть со времени отъѣзда моего изъ Одессы въ Тифлисъ, другой же переписки никакой съ нимъ ведено не было. 8-е: бумаги подъ загла-віемъ: «Несправедливое истребленіе воинства», на 8 листахъ писана вышерѣченномъ другомъ моимъ Радуловымъ, съ бумагами коего я при отъѣздѣ и сію захватилъ; но отколь она собственною его рукою вы-писана и на какой конецъ, мнѣ неизвѣстно; и я у него не спраши-валъ. 9-е: рескриптъ въ спискѣ покойнаго Государя Императора къ княгинѣ Кутузовой, писанный рукою Радулова, взятъ мною вмѣстѣ съ бумагою, подъ заглавіемъ «несправедливое истребленіе воинства»; и для чего сія послѣдняя присоединена къ первой Радуловымъ –не знаю, 10-е: письмомъ, писаннымъ мною на двухъ листахъ отъ 29 Мая 1825 года къ Одесскому купцу Вонифантію Ивановичу Картамишеву, я уговаривалъ его удалять себя отъ печали по случаю потери имъ значительнаго по торговлѣ капитала; 10: при письмѣ на 2-хъ листахъ писанномъ ко мнѣ отъ служащаго въ одесскомъ карантинѣ чинов-ника Прядуна, прислано описаніе Харьковскаго бульвара; 11: два письма писанныя, одно на нѣмецкомъ, а другое на польскомъ діа-лектѣ служащимъ верховнаго грузинскаго правительства въ испол-нительной экспедиціи чиновникомъ Кульскимъ къ одесскимъ жителямъ Бояти и Депау, но что они въ себѣ заключаютъ—перевесть я не могу, получены же они мною для доставленія по случаю отъѣзда въ Одессу. 13. Письмо, полученное мною отъ секретаря Радулова на 10 листахъ, коимъ онъ еще приглашалъ меня въ Грузію на службу и по коему туда было я и поѣхалъ; 14: другое письмо его же, Радулова, тоже пригласительное о скорѣйшемъ туда отъѣздѣ и при немъ грузинская азбука, писанная его рукою, все сіе на 16 листахъ; 15-е: черновое письмо, писанное мною въ Одессу къ знакомому мнѣ купцу Викулу Артемьевичу Пашкову, которымъ я его увѣдомлялъ о своихъ об-стоятельствахъ, на 8 листахъ, 16-е: азбука гіероглифически писана рукою вышесказаннаго друга моего нынѣ увольненнаго изъ одесскаго

купеческаго общества, въ Грузіи находящагося, но въ какомъ мѣстѣ, о томъ знать долженъ Радуловъ, Михаиломъ Арестовымъ; въ азбукѣ сей выраженіе «храмъ общества независимыхъ» означаетъ союзъ трехъ насъ друзей и таковыхъ же еще собственною моею рукою писанныхъ пять, да одна пустая записка, Арестовымъ писанная литерами гіероглифическими, 17: обнародованіе правъ человѣка и гражданина, писанное рукою исправлявшаго въ одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ должность профессора, г. Егоромъ Шкляревичемъ, которымъ бумага сія и переведена изъ французскаго экземпляра, находящагося должно быть и нынѣ у Арестова и которое имѣю для одного любопытства, а ничуть не для руководства какого либо на 2 листахъ; 18-е: каталогъ книгъ россійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, латинскихъ, арабскихъ и, частію, нѣмецкихъ, которыя принадлежатъ собственно мнѣ и находятся въ Ростовѣ, я сдѣлалъ для повѣрки. Сколько бумаги, у меня найденныя по случившимся въ прошломъ годѣ въ столицѣ отъ вольнодумства мятежамъ, подвергаетъ меня сомнѣнію, столько я, не чувствуя сего пагубнаго за собою послѣдствія, надѣюсь оправдаться и правительство увѣрить, что все то происходило отъ глупости и извлекалось для любопытства изъ книгъ разныхъ сочинителей, коими всѣ мы начитаны. Что касается до отобранныхъ у меня въ Ростовѣ двухъ кинжаловъ, двухъ пистолетовъ, изъ коихъ одинъ въ серебряной оправѣ, одной черкесской шашки и ружья, то все сіе оружіе вывезено мною изъ Грузіи вмѣсто рѣдкостей, а болѣе для предосторожности въ горахъ и Кабардинскихъ степяхъ, чрезъ которые я пріѣзжалъ. Судимъ по суду не былъ, къ тайнымъ обществамъ и масонскимъ ложамъ не принадлежу и никогда не принадлежалъ, съ людьми, общества сіи основавшими или къ онымъ принадлежащими, сношенія не имѣлъ, и кто они такіе, да и есть ли гдѣ, совершенно не вѣдаю. Въ дѣйствительной справедливости всего мною изъясненнаго, подписался. Добавляю притомъ, что чиновника Леонтьева отвращать отъ заблужденія побуждался потому, что я, бывъ съ нимъ въ Одессѣ знакомъ, слышалъ не однажды отъ него, что онъ, придерживаясь философіи женевскаго сочинителя Жанъ-Жака Руссо, не соглашался во всемъ съ христіанскою религіею и говаривалъ согласно моему сочиненію, что она хороша, но иногда можетъ быть и вредна; принялъ же я, Радуловъ и Арестовъ на себя независимость и употребляли произношеніе сіе въ письмахъ не съ умысломъ какимъ либо злымъ, а собственно потому, что мы считали себя независимыми въ сотовариществѣ и дружествѣ по одной только перепискѣ, что удостовѣряется и тѣмъ, что ни одинъ изъ знакомцевъ моихъ, исключая сказанныхъ друзей, не употреблялъ въ письмахъ у меня найденныхъ гіероглифическихъ словъ, употребленіе коихъ тремя нами не во зло открылось повѣркою, ибо во всѣхъ словахъ, подъ

литерами сими найденныхъ ни одного вреднаго произношенія не отыскано, исключая независимости и другихъ глупостей.—Подлинное подписалъ увольненный изъ Бендерскаго малороссійскаго общества Василій Ивановъ сынъ Сухачевъ своеручно. Присутствовали: полицеймейстеръ Апсеитовъ, приставъ Лохвицкій, засѣдатель Малаксіановъ».

О дѣлѣ Сухачева сообщилъ въ Петербургъ ген.-ад. П. М. Волконскій. Слѣдственная комиссія собрала свѣдѣнія, по которымъ оказалось, что никто изъ членовъ общества Сухачева не зналъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе этого дѣла было по Высочайшему повелѣнію поручено графу Воронцову. Графъ Воронцовъ отвѣчалъ, что слѣдствіе по дѣлу Сухачева уже кончено, и что онъ, прочитавъ все дѣло, не нашелъ ничего, доказывающаго злой умыселъ Сухачева. Дальнѣйшая сего «тайнаго человѣка» судьба неизвѣстна.

VI.

Но возвращаемся къ Грибоѣдову. Понятно, что комитетъ не могъ найти за нимъ никакой вины по дѣлу о тайномъ обществѣ при корпусѣ генерала Ермолова. На поставленные ему 15-го марта вопросы Грибоѣдовъ отвѣчалъ полнѣйшимъ отрицаніемъ какого-либо его посредничества въ сношеніяхъ между обществами, Южнымъ и Кавказскимъ. 16-го марта отвѣты Грибоѣдова были прочитаны и приняты къ свѣдѣнію [33]. На этомъ и было покончено разслѣдованіе о Грибоѣдовѣ, но обезкураженный резолюціей Николая Павловича Грибоѣдовъ продолжалъ сидѣть подъ арестомъ въ Главномъ штабѣ. Только, заканчивая свои занятія, комитетъ въ CXLV засѣданіи 31 мая рѣшилъ возобновить представленіе объ освобожденіи Грибоѣдова и представить Государю о немъ записку [34]. Эта записка была подписана флигель-адъютантомъ полковникомъ Адлербергомъ I [35]. На этотъ разъ представленіе комитета увѣнчалось успѣхомъ.

2-го іюня 1826 за № 765 военный министръ извѣстилъ дежурнаго генерала Главнаго штаба объ освобожденіи Грибоѣдова, [36] и 2-го же іюня за № 768 дежурный генералъ получилъ предписаніе «представить къ начальнику Главнаго штаба освобожденнаго изъ подъ ареста коллежскаго ассесора Грибоѣдова при офицерѣ».

3-го іюня 1826 года за № 762 военный министръ отправилъ командующему Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ слѣдующую бумагу:

[33] Г. А. I В № 26, л. 263, 267.
[34] Г. А. I В № 26, л. 538.
[35] Г. А. I В № 37 л. 9.
[36] Г. А. I В № 37 л. 16.

«Вытребованный сюда на основаніи извѣстной Вашему Высокопревосходительству Высочайшей воли Коллежскій Ассесоръ Грибоѣдовъ, на коего упадало подозрѣніе въ принадлежности къ тайному злоумышленному Обществу, по учиненному изслѣдованію оказался совершенно неприкосновеннымъ къ сему.

«Вслѣдствіе чего по повелѣнію Его Императорскаго Величества освобожденъ изъ подъ ареста съ выдачею аттестата свидѣтельствующаго о его невинности и на обратное слѣдованіе къ своему мѣсту снабженъ прогонными и на путевыя издержки деньгами.

«О чемъ долгомъ считаю Ваше Высокопревосходительство увѣдомить» [37].

4-го іюня [38] Грибоѣдовъ былъ освобожденъ и черезъ нѣсколько дней получилъ слѣдующій аттестатъ: [39].

АТТЕСТАТЪ

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повеленію Комиссія для изысканія о злоумышленномъ Обществѣ симъ свидѣтельствуетъ, что Коллежскій Ассесоръ Александръ Сергѣевъ сынъ Грибоѣдовъ, какъ по изслѣдованію найдено, членомъ того общества не былъ и въ злонамѣренной цѣли онаго участія не принималъ.

С.-Петербургъ Іюня 9 дня 1826 года.

Хотя военный министръ и увѣдомилъ 3-го іюня Ермолова, что Грибоѣдову выданы прогонныя деньги, однако Грибоѣдовъ получилъ ихъ еще не такъ скоро. По крайней мѣрѣ во входящій журналъ слѣдственной комиссіи подъ 11-го іюня за № 1200 внесенъ рапортъ Грибоѣдова о «выдачѣ ему подорожной и прогонныхъ денегъ». Въ журналѣ находимъ и отмѣтку объ исполненіи: «писано 8 класса Карасевскому 1-го іюля № 855» [40].

Указъ Сената о производствѣ Грибоѣдова въ надворные совѣтники былъ данъ 8-го іюля за № 32476.

Приведенными свѣдѣніями исчерпываются оффиціальныя данныя объ участіи Грибоѣдова въ заговорѣ 1825 года. Къ матеріаламъ, извлекаемымъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, нужно относиться съ большой осторожностью; каждое слово въ нихъ требуетъ критической

[37] Г. А. I В № 37 л. 19.
[38] Г. А. I В № 32 л. 130.
[39] Г. А. I В № 37 л. 23.
[40] Г. А. I В № 27.

провѣрки. Даже послѣ тѣхъ немногочисленныхъ комментаріевъ, которые мы дали, напрашивается выводъ, какъ разъ прямо противоположный сдѣланному комитетомъ. Надо думать, что Грибоѣдовъ не только идейно былъ близокъ къ декабристамъ, но и былъ избранъ ими въ члены тайнаго общества. За краткостью времени, онъ не могъ проявить дѣятельнаго участія, но, соображая складъ его міросозерцанія, свойства его характера, можно допускать, что участіе его въ обществѣ было бы не заурядным: навѣрное онъ былъ бы не рядовымъ членомъ, а вождемъ. Но вопросъ о томъ, былъ ли принятъ Грибоѣдовъ въ члены тайнаго общества, исполнилъ ли онъ нѣкоторыя тайныя порученія или нѣтъ, могъ интересовать слѣдователей-современниковъ, а въ настоящее время представляетъ интересъ для біографовъ Грибоѣдова, но для изслѣдователей-историковъ русской общественной и литературной жизни—онъ не имѣетъ большого значенія. Намъ важно отмѣтить идейное вліяніе декабристовъ на жизнь и творчество Грибоѣдова. Пусть будетъ достовѣрнѣйшимъ образомъ доказано, что Грибоѣдовъ не былъ членомъ тайнаго общества, но мы все-таки не измѣнимъ нашего представленія о томъ, что Грибоѣдова должно считать представителемъ общественнаго движенія 20-хъ годовъ и близкимъ сторонникомъ декабристовъ, раздѣлявшимъ во многомъ ихъ теоретическія убѣжденія.

И 315/65

I В № 174.

Грибоѣдовъ

Коллежскій Ассесоръ, служащій Секретаремъ по Дипломатической части при Главноуправляющемъ въ Грузіи.

На 24. Іюнаѣ.

Опись

Дел о Коллежском Асессоре Грибоедове.

N		Листов
	Царское дело	
1	Показание Грибоедова	№ 1.
2.	Письмо к Государю Императору, Грибоедова	2 и 3
	Вопросные пункты Комиссии составленные 14 февраля	
3	Корнету Князю Одоевскому	4.
4.	Подпоручику Якубовичу	5.
5	Полковнику Князю Трубецкому	6.
6.	Штабс Капитану Бестужеву	7.
7.	Подпоручику Бестужеву-Рюмину 19 февраля	8.
8.	Подполковнику Сергею Муравьеву Апостолу	9.
9	Генерал-Майору К. Волконскому	10.
10	Штабс Ротмистру К. Барятинскому	11.
11	Полковнику Давыдову	12.
12	Полковнику Кретову	13.
13	Вопрос отобранный от Грибоедова Генерал Аудиторами Левашовым	14.
14	Вопросные пункты Грибоедову 24. февраля	15. 16. и 17.
15.	Ответы Грибоедова	18-19.
16.	Вопросные пункты Князю Оболенскому составленные 25. февраля	20.
17.	Вопросные пункты Грибоедову с Ответами 15. марта	21. 22. и 23.
18.	Записка о Грибоедове	24.

Подлинной Состоит Листов 24.

О Грибоедове.

Показания Ермолова Муравьев

Он съ Грибоед. пріѣхалъ изъ Тегерана—Рошину съ извѣщеніемъ отправился онъ Грибоед. съ Сергѣемъ Муравьевымъ, хот. онъ. Онъ. узнать, было, что Грибоед. предполагаетъ объѣзд. Серги Мур. пріѣхалъ изъ этого обыкновенно нужно ѣхать на другое утро рано. Прошелъ разговоръ незначащій, некасающійся до дѣла.

~~Дѣлалъ ли Грибоедовъ предложеніе Нин. Чавчавадзе?~~

Объ болѣзни Грибоедова (Взято изъ Госуд. дѣла)

Что Грибоедовъ былъ принятъ въ члены общества автора для того онъ пріѣзд 14 Декабр. невозможно узнать; потому бѣгствій его во общество совершенно недѣло.

Грибоедовой (во 2-е посѣщеніе)

Свѣдѣнія отъ Росиева что онъ слышалъ Грибоедова въ числѣ членовъ общества.

№ 662.

19. февраля. 1826

2

Всемилостивейший Государь!

По несправедливому подозрению, самого
величайшей несправедливости, я был выреван от
друзей, от начальника мною любимого, из
крепости Грозной на Сунжу, через три станции
верст в самую суровую стужу притащен сюда
на перекладных, здесь посажен под арест, ва-
ден, потом был отправлен к Генералу Левашову.
Он обошелся со мною вежливо, я с ним совер-
шенно откровенно, от него отправлен с обнаде-
жением скорого освобождения. Между тем дни
проходят, а я замерз. Государь! я не знаю
за собою никакой вины. В продолжение сих

Кавказа сюда, я тщательно скрывал мое имя,
чтобы слух о печальной моей участи не достиг
до моей матери, которая могла-бы от того
умом лишиться. Но если продлится мое
заточение, то конечно и от нее нескроется.
Ваше Императорское Величество
сами знаете благоговейнейшее чувство къ
Вашей Августейшей родительницъ.....
Благоволите дохновать мнѣ свободу, которой
лишиться я моимъ поведеніемъ никогда не-
заслуживалъ, или послать меня отсюда куда

Комитетъ имѣетъ честь и лишенъ обвинителя-
ми, чтобы я могъ обличить васъ во лжи и
клеветѣ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

Верноподданный

Александръ Грибоѣдовъ.

15го февраля
1826.

1826 года 14 февраля, Высочайше учрежденный комитетъ требуетъ отъ Г. Корнета Конной Гвардіи князя Одоевскаго показанія:

Коллежскій Асессоръ Грибоѣдовъ когда имѣлъ быть принятъ въ тайное обществоо? съ кѣмъ изъ членовъ состоялъ въ особенныхъ сношеніяхъ? что извѣстно ему было о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ общества и какого рода возлитъ съ тѣмъ разсужденія имѣлъ?

Такъ, какъ я коротко знаю Г-на Грибоѣдова, то объ немъ могу донести совершенно положительно, что онъ никакъ никому не принадлежа

обществу

Корнетъ князь Одоевскій

решил в пределах его власти, не дать
ответа в том по тому же предложению
по каким я не признаю себя вправе
вмешаться.

Председатель Совещания Двинский.

1826 года 14 февраля, Военно-Судная Комиссия требует от Г. поручика князя Трубецкого показания:

Въ показаніяхъ своихъ между прочимъ сказано о слышанномъ вами отъ Рылѣева, что онъ принятъ въ тайное общество Грибоѣдова. Рылѣевъ съ своей стороны говоритъ, что онъ намекалъ ему о существованіи общества, но видя, что онъ неправильно входитъ въ сужденіе о образѣ правленія въ Россіи, то неожидалъ ему наименія своихъ и непринялъ его въ члены. Къ сему Рылѣевъ присовокупляетъ, что слышалъ отъ васъ, что вопреки бытности Грибоѣдова въ прошломъ году въ Кіевѣ нѣкоторые члены Южнаго общества старались о принятіи его въ оное, но не успѣли въ томъ. — Объяснить: точно ли Рылѣевъ говорилъ вамъ, что онъ принятъ Грибоѣдова, и точно ли сообщили вы Рылѣеву вышеизложенное или что нибудь сіе изложено вами вами?

Разговаривая съ Рылѣевымъ о предположеніи не существующемъ тайномъ обществѣ въ Грузіи, и такое сообщавшему предложеніе не принадлежитъ ли кому нибудь Грибоѣдовъ? Рылѣевъ отвѣчалъ на вопросъ, что онъ Грибоѣдову говорилъ, и съ твердостію помнитъ сіи слова „онъ нашъ“, изъ коихъ я заключилъ что Грибоѣдовъ былъ принятъ Рылѣевымъ. И тогда разсказавшему что Грибоѣдовъ

быть въ Кіевѣ и нужно знать требованія
членовъ Одинаго общества, но онъ неизвѣстенъ,
— это извѣстно изъ показанія пѣхотнаго
пор. Порудчика Бибикова, который ходилъ къ
Думанскому и Шульговскому, читалъ
найденной открытой Сидоренкову существовавшій
и въ обществѣ циркулятъ его, но откладывалъ
оное, потому что не желалъ вмѣшиваться по-
добнаго рода интригамъ. Какого
имѣетъ Сидоренко не извѣстно, и онъ объ
этомъ самъ говорилъ что онъ будетъ
Сидоренкова.

Начальникъ Кіевскаго Жандармскаго

X

1826 года 14 февраля, Комиссией уголовных комитет предъявил отв. с. штабс-капитаном с.-г. Драгунского полка Бестужеву показание:

Когда имелось быть принятие в члены тайного общества кол. асессор Грибоедов? что известно сему было о намерении, видах и средствах общества? не было ли сказано ему поручения о сношениях с членами Южного общества и о распространении оных в корпусе Генерала Ермолова?

Ответил. С Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим я первую мысль о деланию преобразований России. Говорил даже где есть люди, которые сочувствуют их духу — но прямо об обществе и его средствах никак не упоминал. Все о них тогда только догадывались. Да и они тогда только желали благодетельной свободы книгопечатания и русского языка. В члены же его не принимал во первых потому что он был в Персии и Грибоедов, а во вторых потому что члены подвергнуть опасности нашей Миссию, в члены и Грибоедов был согласен. Приехал же прошедшего 1825 г. зимою, в которое время я был занят и никого, кроме товарищей, не видал. Узнал он в мою бытность в Москве, в начале Мая, и Грибоедов говоря о членах о них поручений не делал. Это же касается до распространения членов в Корпусе

Генерала Ермолова, а Кавказъ Донъ Сальвадо
ибо онъ надобенъ для Грузіи, на ко
Езду въ санях сбруя не нужъ.

Можайскій Капитанъ Адъют. Ключаревъ.

X

1826 года 19 февраля, Коллежский учредительный комитет, председательствуемый г. подпоручика Бестужева-Рюмина

слушали:

Членом вашим, имеющим должность принять в члены общества Кол. Асессор Грибоедов и ходатайствующим объявить, по какому поводу он был удален из Грузии Муравьевым? Что тогда сообщено ему было относительно общества, какого он был член и каким образом общающие известия о действиях членов общества и распространении оного в Грузинском корпусе?

Грибоедов в общество принят был по двум причинам: потому что тогда известно Муравьеву не было. Дело шло при Грибоедове о нашем обществе, быть может. Для взятия им сведения о предположениях, планах Грибоедова, опасно было его принять в наше общество. Далее полагать не можно, что Муравьев тайно от Грибоедова, будучи

обращено наше особенное внимание
полка. Из числа лиц, командированных
в предводительство Дивизионного
Атамана. Сотник Ефимовский, по
прибытии через Киев выехал в
Одессу по делам службы, а
Войсковой старшина Журавлев, по
болезни в Киеве. Подъесаул
Шкуринского. О Журавлеве надо
полагать приехал из Киева, для
чего должна быть наложена
ревизия. Его опросовать.
Подпоручик Бессарабский

Гатчина. 20 февраля

1826 года 19 февраля, Высочайше учрежденный Комитет предложил бы. Г. подполковника Сергея Муравьева-Апостола показаний:

Точно ли принятие вами в тайные общества Кол. Ассесор Грибоедов и когда именно? Объясните причины, что было предметом свидания вашего с ним у Бестужева-Рюмина и что вы тогда сообщили ему Грибоедову о ваших намерениях общества? Какого он был мнения и какое дал объяснение насчет собственных видов общества и приготовлений членов его в Грузинской экспедиции?

Я уже показывал в минувшем февральском месяце Высочайше учрежденному Комитету, что Кол. Ассесор Грибоедов вступил в члены общества по обещанию, что не принимая его никогда в тайные совещания, они никогда не вступил в число свиданий у Бестужева, у коего они Грибоедов, кажется, в первый только раз видел его в Киеве, куда приезжал 2 числа Муравьев, ибо они Грибоедов сошлись с Муравьевым в одном Трактире, и заходили ко мне вместе; а на коликое время Грибоедов не был принят в число общества членов

Подполковник Муравьев-Апостол

1826 года 19 Февраля, Высочайше утвержденный Комитет определил Его Генерал-Адъютанта Князя Волконского спросить:

Не известно ли вам, когда и какой был принят в члены тайного общества Коллежский Асессор Грибоедов. И не было ли ему данного поручения насчет распространения членов в Грузинском корпусе?

Честь имею почтительнейше донесть что я могу дать никакого сведения по вышеизложенному по неимению ни сил ни обстоятельств. С Грибоедовым я лично весьма мало знаком, и знал по одним встречам в театральных собраниях во Москве — при приезде моем в Тифлис проведен трое суток Генваря 19-го Февраля.

Генерал-Адъютант Князь Волконский

1826 го года 19. февраля. Высочайше утверженный Комитетъ требуетъ отъ Г. Штабсъ Ротмистра Князя Барятинскаго сведенія.

Не известно ли Вамъ, когда и кѣмъ былъ принятъ въ Члены тайнаго общества Коллежскій Ассесоръ Грибоѣдовъ и не было ли ему отъ онаго порученія на счетъ распространенія Членовъ въ Грузинскомъ Корпусѣ?

Ежели ему Грибоѣдову сочинитель того и его лично не знаю, а слышалъ о немъ какъ объ авторѣ. Онъ истинно такъ-же имѣетъ умъ-и-умъ тайнаго общества! и былъ ли онъ въ Грузіи. о Грузіи Грибоѣдовъ никогда не слыхалъ.

Л. Г. Гусарскаго полка Штабсъ Ротмистръ
Князь Барятинскій.

1826-го года 19. февраля. Высокоблагородный Господин Тайный Советник Правитель Канцелярии Главноуправляющего Грузиею Статский Советник и Кавалер Александр Сергеевич Грибоедов.

Не известно Вашему Высокоблагородию, когда и Коллежский Асессор Грибоедов был принят в Члены тайного общества Декабристов? и не было ли ему данного поручения на счет распространения Членов в Грузинском Корпусе?

Честь имею донести Вашему Высокоблагородию Господину Полковнику, что я никогда не слышал чтобы Господин Грибоедов принадлежал к обществу, или дерзал чтобы предлагал мне войти в оное. Я раз с ним виделся в Москве на большом обеде, где кроме литературы, ни о чем не говорили.

Отставной Подполковник Давыдов.

1826. года 19. февраля Высочайше учрежденный Комитет требует от Полковника Пестеля сведения:

Известно ли Вам, когда и кем были приняты в тайное общество Коллежский Асессор Грибоедов? и не было ему поручаемо распространение тайных в Обществе Видов?

О принадлежности Коллежского Асессора Грибоедова к тайному обществу не сведом я никогда ни от кого и сам в оное не знаю. Полковник Пестель

№ 224. Коллежскій ассессоръ Грибоѣдовъ. № 14

Я такому обществу не принадлежалъ, и не
надлежалъ о существованіи. Возвратившись
изъ Персіи въ Петербургъ въ 1825 году я
пожелалъ напечатать литературныя Бестужевымъ, Рылѣевымъ и Кюхельбекеромъ.
Жилъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ, и по утру былъ
связанъ съ Кюхельбекеромъ. Онъ всѣхъ насъ
чтилъ старался познакомить насъ
лучшимъ образомъ общества. Впослѣдствіи
видѣлъ часто Рылѣева суждения на счетъ
правительства, въ коихъ самовластіе
осуждалъ что казалось вреднымъ, и желалъ
лучшаго. Тѣмъ не менѣе никакого участія
не было получено на мнѣ никакими подозрѣніями
и почему оное на мнѣ пало неизвѣстно
мнѣ. Коллежскій ассессоръ Александръ Грибоѣдовъ.

Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ

Одоевск
Грибоед. (21. ст.) Знаете отчего Рылѣева,
что отъ пулитки Грибоедова?

1826. Года 24. февраля, В присутствии Высочайше учрежденного Комитета Коллежский ассесор Грибоедов спрашивал изыскания

1.

Как вашего имени, отчества и фамилии, какого вы исповедания, сколько вам отроду есть, имеете ныне или имели прежде, где служите, недвижимых ли подлых судорим, в штрафах или должных сколько нибудь?

2.

Где воспитывались, какими науками учились или преподавали вами оные?

3.

В каких первых показаниях своего от, отрицались от принадлежности к тайному злодейскому умыслу общества, уличенных ныне в Государственных

Вы, Князь, обольщены, Одоевский и Кюхельбекер, что сильнейшие ваши суждения ими насчет нравственности, в коих вы выбрали худые осуждали, что худого в вредных ими ваши лучшего.

4.

Во том же смысле, но с большою еще почтительностью холодному чувствию ваших, чувствительных ощущений.

Не только они, но Князь Трубецкой и другие, по словам первых, равно считали вас разрушившим их образ мыслей и мышлений, следственно (по их правилам зрения в тени) приходящим в их общество, и действующим в их духе.

Убеждение сие основано было на собственных словах Вашихъ

особенно после того:

а) что Ровинский и Александр Бестужев прямо открыли вам, что есть общество людей, стремящихся к преобразованию России введению нового порядка вещей; говорили вам о числе численности сих людей, о именах тех которых нужных, о целях, видах и средствах общества, и

б) что ответы ваши на все то было изъявление одобрения, молчаний упр:

В такой степени приложенность Вашей к Вашему нынешнему обществу, Комитет требует похвалы вашим в томе:

а) в каком именно состоянии ныне сыскать правительствах означенных вами лиц; существуют ли они в браке

ужели?

б) что именно находили вы при томъ достойнымъ осужденія и вреднымъ для правительства и въ чемъ заключалось желаніе вашей пользы?

в) когда что именно удалили вы особенно отъ Рылѣева, Бестужева и Одоевскаго существованіе общества людей, стремящагося къ преобразованію Россіи?

г) въ томъ ли смыслѣ, что удалили вы о многомъ ихъ мысли отъ мысли людей, имѣющихъ быть вашихъ сподвижниковъ?

д) сказано ли вами было для нахожденія центры и отдѣленій членовъ тайнаго общества?

е) что именно сказано вами о пользѣ и средствахъ достиженія онаго?

ж) объяснить, въ чемъ именно состояло ваше возмездіе тѣхъ мнѣній и одобреніе?

3) В каких смыслах вы каждого из них между прочим, в беседах с Бестужевым, неравнодушно желали русского платья и свободы книгопечатания?

4) По показанию Князя Оболенского вы на конец дня затми до отъезда вашего из Петербурга решительно были приняты в члены тайного общества. Объясните какого рода дали вы обязание желающего действовать в духе сего общества, и какие даны вами поручения насчет приготовления умов к революционным правилам, в пользу вашего пребывания, и распространения членов общества?

5) По какому случаю вы, проездом в Киев, имели свидание с Бестужевым-Рюминым и Муравьевым, Артамоном и Сергеем, чужого заключения жарочно

было поощрению? что было предме-
том Вашего соглашения что от-
крыто вами было охранительных
Южного общества их хитрых подкоп
Возмутительных действий?

Взаключение вы по совести дол-
жны показать все то, что служит
Вами основанием тайных обществ,
для чего цель образа действий.

Вы сами писали письмо которое
предъ собою видите, Кухельбекеру?

Подлинной Соответствие с подлинником

Нахожусь имею вопросовъ предложить Вамъ какие учреждения Комиссии имею честь сообщить.

1.

Имя мое: Дворянство Тверского уезда.
Дело-Кавалергардъ исповедуетъ
родился въ 1796 году
Обучался ли, если былъ
исключенъ указать. Самъ обучался сего и
исповедовалъ, не переходилъ вместо
Тайнъ, ото ого слушалъ непрочувственно.

Служба Секретарем по Дипломатической части при Главноуправляющем в Грузии
Под судом, в интересах интересующей
стороны.

2.

Родственники кои имею дома, кои
в Москве или Петербурге, под надзором
Прокурора Суда, умеет управлять, Полиция.
Математическая и уголовная.

3. и 4.

Штатную имею честь подтвердить пер-
вое мое показание.

5. Отношение и другие его сношения
с членами напрасно показание мое разно-
чинно или обидно имело. Сношения я в
лишь в судебных с управой, Кабинет,
Аудит. Это еще недоразумение, что и в
Полиции имеет интересы и не имеет
сношения. Сколько мне сказать, что по делам
отправляемым Вами Ваше Превосходительство

[illegible] [illegible] [illegible] [

с чрезвычайною отчетливостью характер, сердцу моему чрезвычайно любезный.

Я говорить не с безусловной свободой книгопечатанья, сказав только, что она не должна выходить из пределов, положенных здравым смыслом.

IV.

Подобный К. Аксакова совершенно неуместно. Никому, постигнувшему наши любимые чувства, они дают основаться, не только-что меня лишить доступа ко всякому отводу принятия в общество любителей Русской словесности, общество, которое под Высочайшим покровительством будущей Августейшей Наследницы. Соревнователь, и от Депутации в которое я чрезвычайно долго отказывался, не будучи почитать истинною удовлетворительностью моей работы, а нерадением

V.

Пребывание мое в Киеве было самое непродолжительное продолжение в Крыму и на Кубани: труд этот писать и возвращаться в мой должности в Орел. Г. Муравьев и Вице-Губернатор Аксаков видели только; разговоров только в Дворянском

Правительству, по которых предполагается
письмо доверенности я к ним писателю
потому что мне нужно еще подробно
с ними, с некоторыми узнать. Обстоя-
тельство, что до сих пор ни слова больше
нам нового, для меня весьма неприятно,
что сделалось мне теперь больно; Узнав
об этом в скором ряду.

Письмо, которое я здесь посылаю
моей руки, написано в Тобольске

Полицейский чиновник Александр Арсибашев

1826 года 25 февраля, Высочайше учреждённой Комиссии предъявил отставной Г. поручика кн. Г. Оршинского показания князя Одоевского.

Противу показания вашего относительно Кол. Ассесора Грибоедова быв принят в члены тайного общества иногда ли задолго до 14 Декабря, или, Грибоедов отвечает, что он получил позволение ехать из петербурга он тогда был принят в общество, но только в военного ученого, а не в тайное. Объясните: в чем действительно он был принят в члены тайного общества, что когда и кем именно и сколько он получил?

О принятии Грибоедова в члены общества я слышал от покойного Ф. Глинки, и более совершенно никаких подробностей принятия его не слышал, и не могу сказать кто был свидетелем при приеме его:— О времени же принятия его я не постараюсь показать с точностью, но сколько помню ее было в начале или два должно его отъезда:— Это все что могу сказать о принятии Грибоедова. В подтверждение приведенного показания моего,— Князь выражает подробности принятия его мне неизвестны:— слышал только, имел принятия Грибоедова, сколько ее помню, в конце 1824 года,—

Князь Евгений Оболенской

1826. года 15. Марта В присутствии Высочайше учрежденнаго Комитета Коллежскій Асессоръ Грибоѣдовъ, спрошенъ симъ показалъ.

Въ дополненіе сдѣланныхъ имъ отвѣтовъ по ділу сему откровенно слѣдующее:

1.) При отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, неопредѣлилъ ли Бѣстужевъ Рылѣеву или кто другой письма, для доставленія къ муроѣеву Апостолу и Бѣстужевуѣ-Рюмину или сказалъ ли вамъ было о содержаніи оныхъ?

2.) Равнымъ образомъ, не поручалъ ли вамъ Рылѣевъ или Александръ Бѣстужевъ какихъ либо стиховъ и прозаической статьи, подражаніе

Катишкиев, уже арестованных
вами!

3-е) Похожему имени сами вы
имели свидание в Киеве с Артамоновым и Бестужевым-Рюминым?
Где и когда вы познакомились с
ними? Не имеются ли у них
переписки из Грузии?

4-е) Кто говорил вам о тех
лицах, которых предписано вам
познакомиться с ними?

5-е) В Симферополе вашу в Киеве
видетельствовали вы с именем Капитана Кирпичникова или рас-
сказывали ли вами ими писали о
существовании ими найдет отсут-
ствии?

7) при возвращении вашем в Ф-ру
это ещё вы видались с Духачевым (служившим в Грузии)?

а) Давно ли вы с ним знакомы
и сухого бывали вместе?

б) что вам известно от него,
или по слухам, определен-
ным, какое он думает зна-
чение из своих знакомых
о основании тайного общества
в отдельности Грузинского
Корпуса, и какие представил
он доказательства о воз-
можности распространить
там членов сего общества?

в) Что известно вам о деятельности
Духачева по службе и вре-
мени и определении его

Вы танцуете? отъ того ихъ ѣда

Вы слышали ли звали осень?

X

На заданные мне вопросы Высочайше учрежденною Комиссиею честь имею отвечать:

1/ 2/

Приговорённых из Петербурга около полуночи Дементьева вовсе невижу в городе, он крайней мере то время, что я в нём тогда живал, я не видел, ни Дементьева, ни никого подобных мне нижних чинов в Киеве, ни письма, ни денег никого не посылал, ни от кого не получал, ни Дементьева, о котором я даже не слыхал, что он знал, отрицаю, ни кем не было.

3./

До сих самого короткого моего пребывания в Киеве один Дементьев туда приехал ко мне в гости, от которого дня два, живши у меня, отучился в одной квартире со мною; потом он уехал. Другого я видел у Трубецкого, где это было в присутствии Комиссии, и они имеют сами подробно сказать разговоры с ними. Прочитано и в оных никогда не видел.

4./

О Тютчеве никого говорить не могу.

5/

Об Штабс-Капитане Бороздовском с 26 Киев не видался.

7/

Я незнаком с Судакевичем, и никогда не слыхал о его существовании.

Комиссии Чиновник [illegible]

о Коллежском Асессоре Грибоедове

Коллежский Асессоръ Грибоедовъ непринадлежалъ къ обществу несуществовавшаго

Коллежскаго Асессора Грибоедова

тайнаго общества. Показаніе имѣетъ сущность Князь Евгеній обольянинскимъ 1-мъ со словъ Рылѣева, Рылѣевъ же отвѣчалъ, что имѣлъ намѣреніе принять Грибоѣдова; но невидя его наклонности къ вступленію въ общество, оставилъ свое намѣреніе. Всѣ прочіе его отвѣты не записаны.

Подлинное подписано: Его Императорскаго Величества рукою написано:

Выпутаться изъ сего затруднительнаго затруднительнымъ

Руки Барона Дибича не сходствуютъ

Выпишите поскорѣе чрезъ Курьера къ Главнокомандующей 1-ой Арміи и выдайте ему за мои деньги годовое жалованье.

В дополнение телеграммы моей имею
честь выехать в Петербург.
Начальник Секции А. Коваленский

I. poruczny księgi Eugenia Odowieczaj.

Asesor Hr. Ebrenik Odowiecki

Дрезнарку № 10

Отвести

От штабса Капитана с. Александр
Бестужева

Отвечать.

Г. поселковому старосте Грубецкому.

Ком. Николаевского с. муз. Кружка.

Т. подпоручику Вотићу.

Г. коменту тицу Одоевскому.

Отвѣтъ.

2007051468